

Составитель:
Андреева Лилия Викторовна

**Жизнеописание второго епископа
Иркутского Иннокентия (Неруновича).**

(По страницам «Иркутских епархиальных
ведомостей» (1865-1870). Труды
протоиерея Прокопия Громова).

Братск, 2017

*Братская епархия
Епархиальная комиссия
по канонизации святых*

По благословению епископа
Братского и Усть-Илимского
МАКСИМИЛИАНА

В книге собраны материалы о втором епископе Иркутском Иннокентии Неруновиче (? - 1747). Автор иркутский протоиерей Прокопий Громов, редактор «Иркутских епархиальных ведомостей». В авторский текст внесены небольшие изменения: устаревшие слова заменены для лучшего прочтения современным читателем, проведена перестановка материала, сокращенный текст разделен на темы и размещен хронологически.

Желающие познакомиться с первоисточником (трудами прт. Прокопия Громова) могут обратиться к сайту Иркутской библиотеки Молчанова-Сибирского и к сайту Российской национальной библиотеки:

http://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe и
<https://vivaldi.nlr.ru/ap000008846/view>

Введение

В одной из старейших в Иркутске библиотек, университетской, хранятся подшивки «Иркутских епархиальных ведомостей» - газеты, выходившей в губернском центре с 1863 года по 1919 год.

В ней, среди ряда исторических публикаций, выделяются статьи редактора этой газеты в 1863 - 1870 годах, кафедрального протоиерея, церковного историка Прокопия Громова. Немало времени отводил он изучению жизни и деятельности второго епископа Иркутского Иннокентия Неруновича и публиковал в газете статьи об архиерее подряд несколько лет.

Иннокентий Нерунович - личность действительно яркая, интереснейшая, сделавшая немало полезного для иркутской епархии в период ее становления. Только изучая жизнь епископа можно понять и осознать величие его дела - дела защиты прав и достоинства Церкви в условиях, когда основы западного неверия уже укоренились в жизни верхушки русского общества по всей России.

Епископ столкнулся с разного рода бойкими авантюристами, нередко без рода, племени и, самое главное, без веры, перед которыми открылась широкая дорога во власть как при Петре I, так и при его преемниках, особенно, во время правления Анны Иоанновны и Бирона. Жизнь Иннокентия (Неруновича) была многотрудной среди гонений со стороны безбожного мира. Преосвященный испил до конца полную чашу бед, страданий и клеветы.

Патриаршества к этому времени не было. Синод (Собор высшего духовенства) был инструментом государственного управления и проявлял пассивность в делах защиты интересов Церкви. Первенствующий член Синода Феофан Прокопович по своим взглядам был скорее протестантом, чем православным. Явным протестантом был и стоявший во главе кабинета министров во времена Бирона немец - граф Остерман. Епископы

не могли в то время не чувствовать изменения отношения к ним как со стороны Синода, так и со стороны правительства.

О времени правления Анны Иоанновны архиепископ Амвросий (Юшкевич) писал так: «На благочестие и веру нашу православную наступали, но таким образом, будто они не веру, но, весьма вредительское христианству, суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким предлогом людей духовных истребили, монахов поразстригли и перемучили! Спроси ж: за что? Больше ответа не услышишь, кроме того: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему не годный. Сие же все делали с такою хитростью и умыслом, чтобы вовсе в России истребити священство православное и завести свою новомышленную беспоповщину».

Начался активный процесс расцерковления русской жизни, который сталкивался с горячей Верой во Христа (без Которого православному человеку нельзя было жить, даже очутившись на краю земли) и извечным стремлением русских к Правде.

...Осмелюсь рассказать о знаменательном событии, предшествовавшем выходу этой работы. В Иркутске шел ливневый дождь, тучи заполнили все небо. Автор этих строк и еще одна раба Божия находились в Знаменском монастыре и не решались продолжить свою поездку дальше, на кладбище, где был похоронен епископ Иннокентий Нерунович. И тогда у иконы Спасителя прозвучала просьба: ***«Если Свят перед лицом Божьим епископ Иннокентий, то помоги нам, Господи, добраться до его могилки».*** И тогда внезапно произошло чудо. В считанные минуты тучи куда - то исчезли, дождь прекратился, на небе засияло солнце. Уже ничто не говорило о ненастье. Мы благополучно добрались до места упокоения, помолились и затем отправились в обратный путь, сев в автобус. И только тогда вновь полил дождь. **ВОИСТИНУ, ГОСПОДЬ САМ ПРОСЛАВЛЯЕТ СВОИХ СВЯТЫХ!**

Для нас, православных братчан, молитвенное общение с епископом Иннокентием особенно важно. Немногим меньше года прожил он в Братской Спасовой пустыни и, несмотря на

смертельный недуг, нашел тут покой и полюбил эту суровую землю до такой степени, что завещал себя похоронить здесь. Не в Иркутске при соборном храме, а в небольшом монастыре на севере Иркутской епархии.

Промыслом Божиим останки еп. Иннокентия Неруновича в XX веке не ушли на дно Братского моря, но были сохранены и увезены в Иркутск. 14 октября 2001 года захоронение перенесли на территорию Иркутского Знаменского монастыря, где оно находится и поныне. Здесь ко второму епископу Иркутскому Иннокентию (Неруновичу) относятся как к месточтимому святому; у могилы его часто звучат слова молитвы.

Будем и мы помнить второго епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича) и обращаться к нему как молитвеннику и заступнику нашему перед Господом!

Назначение второго епископа Иркутского и его прибытие в Иркутск

После упокоения первого епископа Иркутского - святого Иннокентия (Кульчицкого), Иркутскую епархию возглавил епископ Иннокентий (Нерунович).

Уроженец Киева, выпускник Киевской духовной академии, а затем учитель поэзии в ней, Иннокентий Нерунович сознательно выбрал путь служения Богу и принял монашеский постриг в Киево-Братском монастыре. Игуменом монастыря был одно время Феофан Прокопович, ставший первенствующим членом Синода. Это, возможно, каким-то образом, повлияло на вызов Неруновича в Москву, где уже находилось немалое число выходцев с Украины, хорошо подготовленных в вопросах богословия и игравших видную роль в устройстве новых церковных порядков.

В 1727 (1728) году иеромонах Иннокентий приезжает в Москву, где его назначают преподавателем первого высшего учебного заведения России Славяно-греко-латинской академии, зачисляя в число братии Московского Спасского училищного монастыря. Эрудированный, умный, пылкий иеромонах привлек внимание Синода и в 1730 году новое назначение - Иннокентий Нерунович стал префектом (инспектором) академии.

22 февраля 1732 года известие о кончине первого иркутского епископа Иннокентия дошло до Санкт-Петербурга. А 5 июня Высочайше был утвержден доклад Синода о бытии епископом Иркутским и Нерчинским иеромонаху Иннокентию Неруновичу. Более пяти месяцев прошло от назначения до рукоположения, и, наконец, 25 ноября 1732 года иеромонаха Иннокентия рукоположили в епископы. Хиротонию совершили Феофан (Прокопович) - архиепископ Велико-Новгородский и Великолуцкий, Леонид - архиепископ Сарский и Подонский, и Питирим - архиепископ Нижегородский и Алаторский...

25 ноября того же 1732 года по Указу Ее Императорского Величества и по приказу Синода велено было сообщить в тогдашнюю Иркутскую епархию о произведении Иннокентия (Неруновича) в епископы и о надлежащем во всем послушании ему, Преосвященному Иннокентию, епископу Иркутскому и Нерчинскому, яко пастырю своему, без всякого прекословия - Иркутскому Архиерейскому Дому, всякого рода служителям и

всей той Иркутской епархии жителям.

С выездом к месту службы епископ не торопился. Познакомившись в синодальной канцелярии с делами Иркутской епархии, требовавшими решения, он сделал Синоду несколько представлений. На некоторые из них епископ Иннокентий II получил соответствующие указы, а относительно других – заверение в их рассмотрении. Прежде всего, хорошо образованный иерарх увидел, что в Сибири «нет света наук», и просил Синод разрешить ему взять книги из библиотеки, оставшейся после смерти Феофила Кролика, – архимандрита Московского Новоспасского монастыря. Разрешение было получено.

Библиотека Феофила Кролика, человека незаурядного ума, писателя, переводчика и общественного деятеля, наряду с книжными собраниями известных церковных деятелей эпохи Петра I: свт. Димитрия Ростовского, С. Яворского, Г. Бужинского, принадлежала к числу крупнейших в России. По официальным данным, епископ Иннокентий привез с собой в Иркутск 388 книг (всего их в библиотеке числилось 503).

Первым вопросом, который пришлось решать епископу Иннокентию Неруновичу еще по дороге в Иркутск, являлся «камчатский вопрос». Он возник после того, как Архиерейский приказ Тобольской митрополии не включил в список церквей, передаваемых Иркутской епархии церкви, расположенные на Камчатке. Между тем, в указе Синода 1731 года прямо говорилось, что к Иркутской епархии отходят города Якутск и Охотск с уездами. Камчатка составляла тогда часть Охотского уезда. В результате сложилось как бы двойственное положение и потребовалось вмешательство Неруновича. В итоге Синод исправил ошибку Тобольской митрополии и своим указом от 5 июля 1733 года передал камчатские церкви в ведение Иркутской епархии.

Из Москвы Преосвященный выехал в феврале 1733 года, взяв с собой из Богоявленского монастыря иеродиакона Феофила. 30 марта епископ Иннокентий прибыл в Тобольск, откуда выехал в июле.

Тобольские власти в лице Алексея Плещеева и товарища его, Петра Бутурлина, были внимательны к Преосвященному. В распоряжение его были выделены два судна с 50 ссыльными для работ во время плавания, с конвоем капрала Ивана Махнина, с

командой 14 солдат Якутского полка и 15 человек тобольских служивых. Последние должны были проводить епископа до Сургута, откуда новая смена из 15 человек должна была плыть до Нарыма, где их сменяли новые 15 человек, сопровождавшие Преосвященного от Нарыма до Енисейска. Якутского же полка солдаты должны были следовать до Иркутска. В том случае, если бы епископ рассудил не плыть водою от Енисейска и отправился бы сухим путем, а служителей своих и багаж надумал бы отправить водою, то для этого велено было дать ему судно с работниками из ссыльных с конвойными.

Преосвященный выбрал последнее и стал одним из первых, кто изведal новый путь по суше от Красноярска до Иркутска (вместо старого, опасного, через роковые ангарские пороги). Но, к сожалению, из вещей епископа, отправленных из Енисейска водным путем, много чего было выкрадено, а на воров архиерей суда не нашел.

В Иркутск епископ Иннокентий прибыл 20 октября 1733 года. Указ же о его назначении был получен в Иркутске не ранее ноября 1733 года

В Иркутске, кроме председателя Архиерейского приказа настоятеля Посольского монастыря Паисия и строителя Вознесенского монастыря Корнелия, архиерея встречали игумен Нерчинского Успенского монастыря Нафанаил и игумен Киренского Троицкого монастыря Пахомий. Тут же вертелся Алексей Иванович Жолобов, находящийся в должности вице-губернатора последние дни.

Образованный, одаренный пылким характером, епископ Иннокентий Нерунович спешил в епархию, простиравшуюся на востоке до Камчатки, на севере - до Ледовитого океана, на юге - до границ Китайской империи, с твердым и пламенным желанием возвещать имя Христа Спасителя язычникам, костенеющим во тьме лжебожия. Но вместо претворения в жизнь высоких его планов на месте служения епископа встретили дразги.

Еще будучи в Тобольске, получил епископ уведомление от тамошней губернской канцелярии о подаче иркутским духовенством заявления, чтобы Жолобова отстранить от дел, а вместо умершего вице-губернатора Сытина дать управление его сыну - малолетнему Александру. Тобольская канцелярия просила при этом, чтобы Преосвященный смирил духовенство во главе с игуменом Паисием за то, что вмешались не в свое дело.

Только показался епископ в Иркутске, как встретила его бумага от прибывшего на следствие в Иркутск, бригадира и обер-коменданта Сухарева, чтобы Его Преосвященство священников и диаконов, которые к этому челобитью прикладывали руки, прислал для допросов в Иркутскую провинциальную канцелярию. В списке значились: иеромонахи Стефан Корытов, Лаврентий и Мисаил, священник Иван Филимонов, иеродиакон Серафим, протопоп Петр Григорьев, ключарь священник Василий Федоров, священник Симеон Афанасьев, диаконы Никифор Петров и Иван Федоров, Прокопьевской церкви священник Иван Петров и диакон Логин, священник Иустин Иванов, диакон Тит Григорьев, священники Иван Карамзин, Иаков Максимов и Иван Андреев.

Преосвященный дал указание упомянутому духовенству о даче показаний следователю. Духовенство показало следствию, что они прикладывали руки свои к челобитью о сыне Сытина по приглашению наместника Паисия, но без всякого с его стороны принуждению. Наконец, епископ спросил и самого Паисия о побудивших его на такое дело причинах. Паисий отвечал, что основывался на бывшем уже в Иркутске примере, когда бывал де здесь судьей трехлетний сын господина Полтева

В пояснение этого курьезного показания обратимся к Иркутской летописи. В 1695 году вступил в Иркутское воеводство Афанасий Савельев, человек корыстолюбивый до того, что удерживал у подчиненных жалование. На смену его ехал в Иркутск Полтев, но не доехал - в Идинском остроге умер.

Иркутские казаки и жители, недовольные Савельевым, ребенка Полтева определили воеводою, придали ему в управители сына боярского Перфильева и донесли начальству. Правление ребенка продолжалось до 1699 года, пока не прибыл в Иркутск новый воевода Иван Николаев.

Впрочем, дело на этом не кончилось. Ключарь священник Федоров показал, что наместник Паисий в нетрезвом виде угрожал ему **«буде не подпишется, то вырвет бороду и принудит дубиной»**. Ему была дана с несознававшимся игуменом очная ставка, на которой, хотя и не вполне, но показания ключаря подтвердились. Глубоко преогорченный таковой встречей со стороны иркутского духовенства, новый епископ изрек: **«Наместника Паисия за вовлечение подчиненного ему духовенства в неподобающее дело наказать плетью нещадно, чтобы и другим так делать было неповадно»**. Жалкий игумен 3 декабря 1733 года расписался в принятии памятного ему на всю жизнь урока смирения.

Однако не удовольствовался этим позором мстительный Жолобов. Он сделал Преосвященному донос, что наместник Паисий 3 февраля 1733 года в день тезоименитства императрицы не отправил ни Литургии, ни молебна. Обвинение тяжелое по тем временам! Оно в случае доказанности подвергло виновного лишению сана, наказанию кнутом и ссылке. Обвиняемый объяснил причину неслужения своего в городском соборе тем, что страшная в тот день метель не позволила ему попасть из Вознесенского монастыря в Иркутск, но он служил Литургию и молебен в монастыре. Показание это подтвердили свидетели, и Паисий был, к досаде Жолобова, оправдан.

В феврале 1734 года во время поездки Преосвященного в Посольский монастырь на игумена Паисия возведены были некоторыми монастырскими служителями новые обвинения. При этом Владыка признал нужным отстранить Паисия от настоятельской должности (Посольский монастырь поручен был монаху Манассии), оставив в составе братства Вознесенского монастыря, с обязанностью присутствовать в Приказе временным членом. Председателем же Приказа определил строителя Вознесенской обители Корнелия Бобровникова.

Над головой бедного наместника Паисия собрались тучи. Синод предписал оштрафовать его, как главного управителя дел по Архиерейскому приказу, 50 рублями из-за того, что он не отправил лазаретные деньги за 1728 год. Преосвященный в этом случае встал на защиту ответчика. Он написал, что лазаретные деньги за 1728 год были отправлены еще первым епископом Иннокентием Кульчицким в 1729 году в количестве 56 рублей 60 копеек с нарочным, взятым в Москву из Иркутска, Стефаном Жаровским. До 1732 года не было известно: поступили ли они по принадлежности.

Ситуация прояснилась лишь после возвращения в Иркутск доверенного свт. Иннокентия Кульчицкого Герасима Лебратовского, который признался в Архиерейском приказе, что те деньги у Жаровского в Москве отобрал и употребил на свои надобности.

Впервые встреча епископа Иннокентия (Неруновича) с Герасимом Кирилловичем Лебратовским произошла в марте 1733 года, когда Преосвященный достиг Тобольска. Тогда скудное от казны снабжение истощилось, и Преосвященный вынужден был войти в одолжение. Однако неприятность эта, казалось, скоро сгладилась, когда пред ним предстал доверенный Архиерейского приказа Герасим Лебратовский и сказал о наличии большой суммы денег из доходов епархии - для архипастыря, на путевые издержки. Епископ, успокоенный, что Иркутская епархия имеет достаточно средств, чтобы обеспечить его будущее содержание, оставляет привезенные Лебратовским деньги в его же распоряжении, следует дальше, но, к огорчению своему, узнает, что Лебратовский все деньги уже израсходовал, не оплативши даже долгов, сделанных в Тобольске.

По прибытии в Иркутск 20 октября 1733 года епископ Иннокентий узнает, что те деньги были взяты через насилие из монастырей под предлогом займа; что Лебратовский просто ограбил монастыри.

С приехавшим для встречи Преосвященного Иннокентия Киренским игуменом Пахомием был монах Корнелий, который письменно сообщил Владыке, что Лебратовский, по распоряжению Архиерейского Приказа бывший в приленских областях, в сентябре 1732 года взял из Киренского монастыря трех лошадей,

несколько кож, 100 аршин холста, вещи Иоанна, покойного архимандрита, а в Ангинской заимке захватил 6 шуб овчинных новых, 80 аршин холста. Приехавший 1 февраля 1734 года из Якутска монах сообщил Преосвященному, что Лебратовскому строителю монастыря монах Арсений Баклановский с братией поклонились 100 руб. денег, да сороком соболей. Сверх того Лебратовский взял из монастырской кладовой 11 сороков соболей камчатских, да 2 или 3 меха лисьих, да моржовой кости несколько зубов. 30 марта поступила жалоба о захватах Лебратовского из Селенгинского монастыря.

Такое в Иркутске было не впервые. Вице-губернатор Жолобов, захвативший после смерти святого Иннокентия имущество его вместе с достоянием Вознесенского монастыря, точно так же распорядился, узнав о смерти архимандрита Якутского монастыря Феофана. Еще при отправлении своем из Петербурга, уже извещенный о поступке Жолобова, епископ Иннокентий просил Синод помочь возвратить все захваченное.

Синод дал указ о том, что дело о захвате имущества новому епископу необходимо расследовать на месте. Основываясь на этом указе, Преосвященный, по прибытии своем в Иркутск, спросил Жолобова о его праве на отобранное им имущество духовного ведомства. Жолобов отвечал с привычным бесстыдством, что уже отослал то имущество в Тобольскую канцелярию.

Епископ обратился к исправляющему должность вице-губернатора и производившему суд над Жолобовым, бригадиру Сухареву с вопросом: ***«Все ли имущество, под именем «пожитков Преосвященного покойного» описанное, отослано Жолобовым в Тобольск? И если что не отослано, то нельзя ли возвратить?»***. Сухарев отвечал, что все увезено в Тобольск, кроме 5 стульев, да шкатулки, окованной белым железом, в которой денег 1198 рублей, да 200 червонцев российской монеты и кованого золота 33 $\frac{1}{4}$ золотника. Но все ли деньги в целостности, о том-де знать невозможно. Выдать же деньги, за неполучением им указа из Тобольской канцелярии, Сухарев признал себя не вправе. Преосвященный настоял, чтобы пересчитать деньги. Сухарев выполнил просьбу. Исчезли 30 руб. 16 коп. По крайней мере, стало известно, что деньги

Жолобовым в Тобольск не отосланы и хранятся в Иркутской губернской канцелярии.

Духовник покойного Святителя иеромонах Корнелий в декабре того 1733 года подал новому епископу заявление, заверенное всем монастырским братством, что Иннокентий Кульчицкий, печалась о неимении в монастыре каменной церкви, неоднократно обещал на ее строение тысячу рублей. Корнелий просил Неруновича употребить свое ходатайство перед Святейшим Синодом о возвращении денег в монастырь на строительство каменной церкви.

Выяснилось и то, что вице-губернатор Жолобов после смерти архимандрита Феофана предписал якутскому воеводе Жадовскому захватить в якутском монастыре все, что попадет под руку, и выслать в Иркутск. Воевода исполнил первую часть повеления, но не успел отослать вещи к Жолобову, как туда явился в 1732 году Лебратовский, который снова лучшие из предназначенных Жолобову мехов отобрал себе. Жолобов разразился всею злобою на бедного воеводу Жадовского, присудил его к платежу за выкраденные Лебратовским вещи и даже пожаловался в Сибирскую канцелярию в Тобольске. В письме он писал, что Лебратовский разграбил все монастыри Иркутской епархии и выкрал все пожитки покойного якутского архимандрита, которые он, Жолобов, готовился отослать в Тобольск.

И хотя не было никакого права Сибирской канцелярии вмешиваться в дело (так же, как и Жолобову), однако приманка взяла вверх над здравомыслием, и Тобольская Губернская канцелярия начала суд над Лебратовским.

Этому главному судилищу надлежало бы спросить Жолобова: **«Зачем ты вмешался в наследство монастырского настоятеля?»** Ничего не бывало. Сибирская губернская канцелярия предписала Иркутской провинциальной конторе судить Лебратовского. Бригадир Сухарев потребовал его к себе. И вот Лебратовский, с монастырскими деньгами и с 40 соболями, привезенными из Якутска, очутился под покровительством провинциальной власти.

Напрасно после этого требовал епископ Лебратовского к своему суду. Сухарев отвечал, что не отпустит Лебратовского

из своей канцелярии; более того, он требует, чтобы епископ прислал в нее всех жалобщиков, которые оговаривают Лебратовского в лихоимстве. Преосвященный прислал в ответ Сухареву решительный отказ.

Потом было новое настояние от архиерея и новые неприятности. Сухарев извещал, что Лебратовский заявил Сенату с передачей в Святейший Синод, что он опасается подпасть в распоряжение Его Преосвященства, потому что прежде был держан в оковах и в пытках: **«Я не служка архиерейский. Я находился в прошлых годах при комнате блаженной памяти цесаревны Натальи Алексеевны, а от той комнаты отдан был Троицко-Сергеевой Лавры архимандриту Валааму, а от него отпущен был с бывшим Иннокентием, епископом Иркутским, в Китай. И потом служил при его архиерействе в Иркутске волею своею, без крепости и без всякого письменного обязательства. Я Вашему Преосвященству не крепостной»**. Лебратовский повсюду откровенно говорил, что стоит-де мне написать к духовнику императрицы, и епископ Иннокентий будет лишен архиерейства.

Жена Лебратовского, между тем, досаждала Иннокентию Неруновичу злоязычием своим. Брат заслуженного священника Прокопьевской церкви Ивана Петровича Старцева Иаков в это время был произведен в священники собора на праздное место, оставшееся по кончине ключаря Иван Дмитриева.

Лебратовская говорила келейным Преосвященного, что соборное место продано архиереем за 70 рублей. Больно показалось такое нареkanie епископу, и он тогда же новопоставленного переместил в Бельское селение на место Федора Евдокимова, принявшего монашество.

Преосвященный просил Сухарева, чтобы тот или сам решил скорее дело Лебратовского, или обратил его к суду епархии. **«Нельзя возвратить к Вашему Преосвященству подсудимого, который не принадлежит духовному званию, а если и служил у предместника вашего, то по найму»**, - так отвечал бригадир Сухарев.

Потребен был огромный запас терпения, чтобы лицо, привыкшее к тихой жизни между людьми образованными,

учеными, при встрече с таким наглым злоупотреблением власти, не вышло из себя. Однако, скрепя сердце, епископ Иннокентий держал себя пока в пределах умеренной переписки.

В довершение неприятностей, архиерей в Иркутске не знал, куда голову приклонить. Строительство архиерейского дома, давно предписанного Сенатом, еще и не начиналось, а о временной квартире для приезжего никто и не позаботился.

Нужды приезжего архипастыря были тогда ничем не покрыты. В Иркутске было получено определение Синода и Сената о выдаче архиерею на содержание его и прислуги 647 четвертей ржи, такого же количества овса, 100 ведер вина. Об отпуске их отнесся Преосвященный в Провинциальную канцелярию. На что бригадир Сухарев отвечал, что в указе из Сибирского приказа *«в ассигновке - де об них неведомо кем проронено»*. Даже в тех окладах из казны, на которые епископ имел право и надежды, ему было отказано. Лишь 13 февраля 1734 года Тобольская губернская канцелярия предписала назначить местному Преосвященному содержание как денежное, так и хлебное, и выдавать *«повсягодно бездоимочно»*.

Однако новое распоряжение не устранило неприятностей. И после этого Преосвященный жаловался, что иркутские власти выдают ему хлеб и несполна, и несвоевременно; к тому же вместо вина выдается вода, приправленная спиртом для запаха.

Крещение инородцев

Но все это не ослабило главных забот мужественного подвижника о делах более существенных, в частности, крещении инородцев. В первую очередь равноапостольская его ревность обратилась на ближайшего к нему выходца из Монголии, ламу Лапсана, который в 1726 году с семьею и 5 спутниками был привезен архимандритом Антонием Платковским в Иркутск для занятия учительской должности в новооткрытой монгольской школе. Восемь лет обучая монгольскому языку в Вознесенской обители, волею или неволею свыкался этот шаман с Божественностью христианской веры. Четыре года общался он и со свт. Иннокентием, неоднократно слышал от Праведника призыв к крещению, но еще не решался разорвать узы идолопоклонства, Епископ Иннокентий нашел в Лапсане душу уже готовую, одобренную для принятия Слова Божия.

Наконец, 10 марта 1734 года Преосвященный Иннокентий в Вознесенском монастыре публично и торжественно крестил ламу Лапсана, жену его, служанок и служителей. Мужа нарек Лаврентием Ивановым (мирское имя епископа было Иоанн) Неруновым, потому что сам был у него воспитанником.

В феврале 1734 года Преосвященный, дабы посеять слово Божие, в первый раз посетил Забайкалье. Известно, что он обозревал монастыри Посольский и Селенгинский и обозревал не поверхностно, потому что в библиотеке последнего не укрылись от его взора Кормчая Книга и Требник Петра Могилы, переданные при обзаведении Селенгинского монастыря из Московского Сибирского приказа, которые оставались без особенного употребления. Книги эти перенес епископ в свой Архирейский приказ.

В Селенгинске встретился епископ Иннокентий с другим выходцем из Монголии - Зайсаном Хатыгинова рода Цеценом Цокшиевым, встретился и не расстался с ним, пока не привил к неплодящей лозе слово о Христе. Язычник пленился учением истинной веры, изъявил даже готовность принять святое крещение со всем своим родом, однако при весьма извинительных для сына природы условиях, а именно: быть

независимым от соседнего тайши*, но быть бы самому в своем роде тайшою. Преосвященный посоветовал объявить свое желание Иркутской провинциальной канцелярии и сам употребил свое предстательство перед вице-губернатором Плещеевым. Пока дело это рассматривалось в канцелярии, Цецен, приехавший в Иркутск 15 июня 1734 года, 2 июля был оглашен, омоливован и наречен Петром Ивановым Неруновым.

А 6 июля архиерею сообщили от Плещеева, что Цецен за принятие крещения возведен в звание тайши Хатыгинова рода и награжден за добрый пример для других в принятии спасительной христианской веры. 7 июля епископ Иннокентий с особой торжественностью в Иркутском Вознесенском монастыре просветил его святым крещением

В лице новокрещенного Сибирь увидела первого тайшу – христианина. Но это не все плоды, которые собрал епископ из язычества в первый год своего управления, что можно увидеть из реестра окрещенных иноземцев, представленного Синоду. Кроме ламы Лапсана, тайши Цецена с родными и слугами, было окрещено им еще 14 человек.

В том же 1734 году был окрещен Преосвященным шуленга Леонтий Тимофеевич Маремьянин, имевший в ведении своем немалое число ясачных мунгальцев. А по сию сторону Байкала из Балаганского ведомства принял святое крещение булутского рода Бурко Боторов, тоже не рядовой бурят, потому что восприемником его не отказался быть иркутский вице-губернатор Плещеев. Бурко был наречен Яковом Андреевым Плещеевым.

Обращение в веру Христову таких влиятельных инородцев не было делом случайной встречи архипастыря с ними, но мерою со стороны его предусмотренной, обдуманной. Завидев такую душу, не далекую от царствия Божия, Преосвященный следил за нею годами. К примеру, не укрылся от внимания Владыки некий Бабай Сохуров - степной властелин

* Тайша – руководитель «степных контор», органов управления над родовыми объединениями. Шуленга - выборный из ясачных, занимавшийся сбором налогов, административными, судебными делами в ясачной волости.

Балаганского ведомства из Онгоева рода, который в 1729 году от иркутского воеводы Измайлова получил достоинство Большого шуленги над 18 меньшими шуленгами, с подчинением ему 1025 человек объясаченных бурят. Нескоро, но цель была достигнута. Бабай Сохуров в начале февраля 1736 года подал Преосвященному просьбу такого содержания: «Ваше Преосвященство в течение двух лет имели обо мне попечение, чтобы я крестился. И ныне всею душою и чистой совестью желаю креститься и надеюсь склонить к сему и жену мою Галуну (а детей у нас нет), равно постараюсь и всем моего ведомства подчиненным внушить необходимость крещения».

9 февраля 1736 года Преосвященный торжественно крестил Сохурова и назвал Павлом Ивановичем Неруновым. После сего крещения Преосвященный предписал Балаганскому священнику Еремею Васильевичу Преловскому окрестить на месте и жену Бабая, а затем обвенчать их по чину церкви без всяких пошлин и промедлений. Иркутского сына боярского Алексея Давидова, толмача в управе Сохурова, Преосвященный просил в письме иметь о новокрещенных попечение, научить их молитвам и христианским обязанностям и утверждать в принятой вере.

Преосвященный, для лучшего утверждения в вере новокрещенных и ограждения их от обид и притеснений со стороны некрещенных сородичей, находил полезным бурят, принявших крещение, привлекать к оседлой жизни. Для этого выделяться им из улусов в особые поселения. Многие новокрещенные соглашались на это и просили себе удобных мест для хлебопашества. В этих случаях самые враждебные к епископу вице-губернаторы охотно содействовали ему.

Не последним побуждением к принятию крещения было и то, что буряты могли вступать в брак по христианскому закону без расходов на венечную память (по указу Преосвященного), тогда как по инородческому обычаю калым за невесту составлял самую разорительную статью для инородца. Плодом всех этих

распоряжений было обращение в христианскую веру
значительного числа монголо-бурят*.

* «В 1732-1735, 1742 и в 1743 гг. он (епископ) объезжал свою епархию, осуществляя миссию среди бурят, якутов и тунгусов. Но у бурят одновременно работала миссия ламаистского духовенства, успешно боровшая с шаманством. Еще в 1730 г. Ламы были призваны российским правительством и получили статус «духовного сословия». Ламаистское духовенство, авторитет которого после признания государством только укрепился, было освобождено от налогов и рекрутчины. Миссионерские труды епископа Иннокентия из-за этой политики становились все тяжелее. Начиная с этого времени, миссионерская работа в Восточной Сибири превратилась в мучительное самопожертвование и борьбу с ламаизмом». История Русской Православной Церкви. Книга 8, Ч.2. Москва.1997г. СТР. 225-226.

Дело илимского протопопа

Город Илимск указом 1731 года передан был от Тобольской епархии в епархию Иркутскую. Иркутский Архиерейский приказ, получив его в феврале 1732 года, распорядился послать для приема церквей илимского воеводства иеродиакона Тарасия и писчика Рещикова. Говорили, что когда прибыли они в Илимск, то илимский протопоп Иван Петров как-то неудовлетворительно обошелся с подьячим Рещиковым. Последний и открыл на протопопа дело.

3 февраля 1732 года протопоп не отслужил ни Всенощного Бдения, ни Литургии, ни Молебна в день тезоименитства императрицы Анны Иоанновны. «Я был болен», - говорил протопоп в оправдание себе.

Но подьячий доказал, что в этот же день протопоп служил вечерню, а назавтра и Литургию, а стало быть, был здоров. Тарасий распорядился заковать старца протопопа и вывез его в таком положении в Иркутск. Архиерейский приказ, оставив его в узах, отложил решение дела до прибытия нового епископа.

Епископ Иннокентий, прибыв в Иркутск, первую из слезных просьб получил из Илимска, чтобы вернули им любимого протопопа, который находится у них с давних лет.

Несмотря на то, что в Илимске у него, кроме собственной, еще две церкви - Введенская и Казанская, да в трех верстах от Илимска - Предтеченская, а приход растянут вверх по Илимскому на 300, всегда и везде на службе церковной и по исправлению треб примерно служил.

Преосвященный отвечал, что ничего не может сделать для удовлетворения их просьбы, потому что дело это отправлено на рассмотрение в Святейший Синод. И в то же время, определил в Илимск священника, изгнанного из Кудинского прихода, Федора Шастина, беспокоившего еще свт. Иннокентия Кульчицкого.

Наконец, на исходе 1734 года получено было решение о несчастном протопопе. Синод предоставил Тайной Канцелярии решить судьбу узника. Священник был отдан в Иркутске гражданскому суду, где ему учинили наказание кнутом и сослали в Аргунск на сереброплавильный завод. Бедный протопоп, насидевшись около трех лет в оковах, лишен был

сана, бит, разлучен с семейством. А подьячего Решикова ждал всеобщий укор: «Ты съел протопопа».

Между тем, посланный в Илимск Федор Шастин и здесь не ужился. Горько жаловались на него епископу илимцы и просили заменить его кем-нибудь более сносным. Где же взять другого? К счастью илимских прихожан, мимо них следовал в Охотск ссыльный священник Ефрем Иванов. Лишь только показался он в Илимске, его остановили жители города и послали Преосвященному просьбу оставить его при Илимской Спасской церкви. Просьба была принята и Ефрем заменил несчастного протопопа Иоанна Петрова. А Федор Шастин по вдовству был взят в монастырь под именем Феоктиста.

Экспедиция Беринга

На четвертый день по прибытии в Иркутск епископ Иннокентий получил от Синода Указ с Высочайшем повелением о назначении второй экспедициии Камчатку под начальством Витуса Беринга*. Сообщалось также то, что Тобольская и Иркутская епархия обязаны снабдить ее чем будет нужно, особенно же шестью иеромонахами, которым назначалась двойное жалование, а именно по 240 рублей в год каждому.

Берингу на помощь были даны Чириков, Шнанберг и девять других морских офицеров. Шнанберг прибыл первым в 1733 год в Тобольск. Здесь он попросил назначить ему для исправления христианских нужд священников. Тобольская губернская канцелярия разрешила ему взять священника из Якутска.

Узнав об этом, Иннокентий II попросил список вдовых священников. Ему представили список вдовцов, в котором значились: протопоп Петр Григорьев (Иркутск), илимский протопоп Иван Петров, ключарь Василий Федоров, священник Даниил Иванов (Ильинский острог Селенгинского ведомства), протопоп Иван Софронов (Уда), священник Михаил Прокопьев (Баргузин), священник Федор Евдокимов (Бельск), священник Федор Андреев (Шаманово), священник Андрей Семенов (Олекминск). Последний и был назначен к Шнанбергу. Но когда он явился, то был забракован. Был «страх, дрях и увечен». Тогда, по просьбе Беринга, епископ направил к нему в экспедицию иеромонаха Германа, приписав командору: «Благоволите только жалование ему определить по штату по 240 рублей в год».

За Шнанбергом в июле 1734 года прибыл в Иркутск сам Беринг. Ему были даны Тобольской епархией четыре иеромонаха, в том числе игумен Иннокентий из Красноярского

* Витус Беринг, датчанин, капитан-командор Русского флота. Руководил 1 Камчатской экспедицией (1725-1730) и 2 Камчатской экспедицией (1733-1741). С именем Беринга связаны географические открытия в северной части Тихого океана и Сев. Америки.

монастыря. А так как он был такой же дряхлый, как Семенов, то Беринг просил заменить его молодым. Как ни тяжело было епископу, но он не огорчил командора отказом.

Преосвященный вызвал, рукоположил в иеромонахи и передал Берингу привезенного им из Москвы иеродиакона Феофила, который в это время был командирован в Кяхту для выбора места под постройку церкви. Иннокентия же епископ оставил в Вознесенском монастыре.

Когда Берингу понадобилось устроить походную церковь, он также попросил содействия в этом у епископа Иннокентия, приложив реестр потребных вещей. Преосвященный отвечал, что тканей шелковых, ладан, воск, вино красное, бумагу и масло деревянное можно будет купить в Иркутске. Евангелисты к царским вратам будут написаны. Ладанку деревянную и чашу водосвятную, подсвечники, столец и два ящика сделают столяры, а мисальник - серебряники. Пшеничной мукой можно будет запастись в Якутске. В первых числах сентября 1734 года походная экспедиционная церковь, названная во имя Рождества Пресвятой Богородицы, была готова.

За Берингом, недолго гостившим в Иркутске, приехал Алексей Чириков и в ноябре 1734 года потребовал еще одного иеромонаха. Тягостны были для епископа такие требования, но, однако же, он отдал из Вознесенского монастыря иеромонаха Мисаила. Другое было хорошо. При встрече в глубине Сибири с образованными флотскими офицерами, епископ Иннокентий отдохнул немного, т.к. отношение их к Владыке было иным, чем у Сухарева и Плещеева.

Отправление экспедиции Беринга совпало с назначением на Камчатку игумена Московской Славяно – греко - латинской академии Варфоломея Филевского для распространения там христианства. Беринг выехал из Петербурга в апреле, а Филевский из Москвы 1 октября 1733 года. Свита его состояла из Московского училищного монастыря иеромонаха Александра и иеродиакона Александра, да из двух келейников, родных братьев Волковых - Михаила и Филиппа. С игуменом посланы были из Синода епископу Иннокентию антиминсы для освящения церквей, предположенных на Камчатке.

На востоке Сибири экспедиция и миссия должны были соединиться. Но в самом начале пути возник болезненный разлад. В Томске иеромонах Александр заявил письменно воеводе, что игумен бил его, повредил ему глаз, назвал бунтовщиком. Слово «бунтовщик» при Бироне на всякую канцелярию наводило переполох. Томский воевода Некрасов отправил донос и в Тобольск, и в Иркутск - в канцелярию, а также к архиерею. Поэтому иеромонах Александр в Иркутске приведен был сразу в Провинциальную канцелярию. Игумена с иеродиакonom доставили позднее.

Преосвященный писал в Иркутскую канцелярию об освобождении игумена, но был оставлен без ответа. Лишь по указу Сибирской губернской канцелярии 11 сентября 1734 года Плещеев выдал с большой неохотой Филевского и других епископу Иркутскому.

Преосвященный, чтобы устранить соблазны от столкновения игумена с иеромонахом Александром, сего последнего оставил в Иркутске, а на его место в миссию определил монаха Серапиона из Вознесенского монастыря. Затем он велел приготовиться Филевскому в дальний путь. Игумен Филевский на основании своей инструкции затребовал у Преосвященного к расположенным на Камчатке церквам четырех священников с причетниками. Но где их столько взять? «Помог» Бирон.

В июле 1733 года Тайная канцелярия присудила наказывать плетью нещадно поповских старост Новгородской епархии Андрея Петрова и Онисима Абрамова за то, что они не только детей церковнослужителей к присяге на верность Императрице Анне Иоанновне не приводили, но и тем, которые сами к присяге приходили, на присяжных листах подписываться не велили. За это были сосланы они в Охотский острог вместе с женами и детьми навечно. Затем указом от Синода от 11 сентября Преосвященный был уведомлен, что на тех же основаниях ссылаются вместе с женами и детьми в Охотский острог священники из С.-Петербурга Ефрем и Андрей Ивановы, наказанные плетью, но священства не лишенные.

И еще пять попов и диаконов были сосланы на вечное поселение с женами и детьми в Охотский острог; это были священники Иван Козьмин, Михаил Трифонов, дьяконы Петр

Степанов, Прокопий Семенов, Парфен Григорьев. Михаила Трифонова, который за недонесение на священника, своего брата, был наказан плетью и высылкой из Московской области, илимские прихожане в августе 1734 года просили совершать у них службу.

Преосвященный распорядился так. Ефрема Иванова он определил на служение в Илимск на место подсудного тамошнего протопопа Ивана Петрова, а Онисима Абрамова послал с Филевским на служение в Охотск. Переданы были Филевскому для службы в Анадырске Михаил Трифонов и Иван Козьмин, а также священник из Верхнеудинска Иван Никифоров. Тем самым епископ оказал содействие великому государственному делу - отправке проповедников в отдаленный сибирский край.

В мае 1735 года, снабженный в Иркутске и причтами, и нужными для камчатских церквей вещами, Филевский выехал из Иркутска на Камчатку, но до Камчатки не доехал. У р.Алдан был схвачен и отправлен в Московскую контору Тайных розыскных дел, где и скончался 10 октября 1737 года. И все же от посольства Филевского осталась польза. Иеромонахи и священники восполнили собой недостаток в духовенстве в Охотске, Гижиге и в других местах.

Читателям известно, что Камчатский полуостров подчинен был державе Российской Владимиром Атласовым в 1697 году. А в 1705 году тобольский митрополит свт. Филофей Лещинский отправил туда для проповеди слова Божия архимандрита Мартиниана, который около 1718 года был убит там, но не туземцами - камчадалами, а своими во время бунта против присланных из Якутска сборщиков ясака. Во главе выступления стоял казак Иван Козыревский. Тогда был убит и покоритель Камчатки Атласов. Позднее Козыревский получил от якутского архимандрита Феофана рясу и клобук, переименовал себя Игнатием и построил на берегу р. Камчатки пустынь во имя Успения Божией Матери, хотя как человек, опасный для края, вскоре был отозван в Якутск.

С командой полковника Елчина на Камчатку был завезен из Тобольска иеромонах Иосиф Лазарев с сыном Андреем. Сим

Иосифом был освящен первый на Камчатке храм (в 1725 году) во имя свт. Николая.

В июле 1731 года камчадалы учинили восстание, но замечательно, что среди неистовой тревоги страстей они выказали свое уважение к недавно принятой, но глубоко привившейся к ним христианской вере. В остроге они пощадили от сожжения и разорения церковь и, сверх того, признали нужным, надев на одного грамотного камчадала по имени Савина ризу священника, заставить его петь молебен (Иосиф Лазарев был в партии уплывших казаков).

Через 2 года после бунта на Камчатке приехал на следствие через Иркутск из Тобольска майор Василий Федорович Мерлин. В Якутске взял он себе в товарищи майора Дмитрия Павлутского. Суд над камчадалами длился около семи лет. Казнены были и камчадалы, и русские. Однако, несмотря на строгости, Мерлин и Павлутский оставили о себе на Камчатке добрую память. Священнику Ермолаю содействовали они в призыве к крещению туземцев тем, что вызывались быть восприемниками новокрещенных от купели, почему и существуют ныне между камчадалами семьи Мерлиных и Павлутских.

Священник Якутской Троицкой церкви Ермолай Иванов получил назначение служить на Камчатке в 1728 году. Чтобы добраться до места своего служения по ледяному побережью, этому смиренному труженику с семьей понадобилось около четырех лет. «Тщанием и вкладом своим» священник Ермолай построил церковь в 1737 году в новом Нижнем остроге, а в 1739 году другую - в Большереченском остроге.

Нововыстроенные храмы дожидались только приличной обстановки и повеления из Иркутска освятить их. В 1740 году, с ожидаемыми вещами и с благословением Иркутского епископа, явился туда иеродиакон Гавриил Притчин, крестивший впоследствии 900 камчадалов.

11 марта 1740 года в Большереченском остроге была освящена церковь во имя Успения Божией Матери. Прослужив в новом храме до 23 апреля, священник с иеродиакonom отправились в Нижний острог и 4 июля освятили здесь двухпридельную церковь во имя Успения Божией Матери и свт.

Николая. Но само Провидение устроило, сверх всякого чаяния, на полуострове еще один храм, который впоследствии должен был стать во главе церквей камчатских.

В том же 1740 году прибыла на Камчатку вторичная экспедиция Беринга на двух судах «Петр» и «Павел». На сей раз они обогнули Курильскую Лопатку и положили якорь не как прежде в Большерецке, а в Губе Авачинской, которая от судов, вошедших в нее, получила название Петро-Павловской гавани. Лютеранин Беринг предложил спутнику своему капитану Чирикову пожертвовать свою походную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Получив согласие, моряки построили церковное деревянное здание к следующему 1741 году.

Иркутский Владыка Иннокентий Нерунович внезапно был обрадован известием о трех храмах, в один год возникших в самом отдаленном конце его епархии. Так увенчались его заботы о Камчатке, и надобно прибавить его добрые отношения к Мерлину, Чирикову и Берингу, когда они проезжали через Иркутск.

Власть в Иркутске: духовная и светская

В апреле 1734 года прибыл в Иркутск для занятия должности вице-губернатора вместо арестованного Жолобова полковник Андрей Григорьевич Плещеев.* Епископ к нему обратился за правосудием, требуя выдачи Лебратовского. Но Плещеев отвечал: *«Так как дело о Лебратовском рассматривается в особой комиссии, порученной бригадиру Сухареву, то я не имею права вмешиваться в ее дела»*.

Епископ Иннокентий вновь убедительно просил Иркутскую Провинциальную канцелярию, если Лебратовский подсуден, то держать его, по крайней мере, под арестом и не позволять изрыгать по домам, безчестующие его, угрозы.

Преосвященный начал терять благодушие. Он обратился в Тобольск в Сибирскую канцелярию, чтобы она воспретила Иркутским властям потворствовать архиерейскому служителю Лебратовскому и приказала бы или судить его, или выдать к суду епископа. Сибирская канцелярия ответ на его просьбу не дала.

Между тем на попечении архиерея находились другие нужды епархии, в особенности неимение никаких материальных пособий для призыва к крещению инородцев, даже возможности посещать их стойбища, о чем он неоднократно писал в Синод из Иркутска, но был оставляем без ответа.

В 1734 году епископ Иннокентий Нерунович писал: *«Епархия новая, еще ничем не утвержденная. Епископ Варлаам от тесноты прожития уехал в Москву без указа. Покойный же епископ Иннокентий не имел из казны жалования, потому ничего нового не заводил, деревень и*

* Чтобы знать, кто такой был Плещеев и с кем должен был иметь дело пылкий, горячий нравом епископ Иннокентий, прочитаем в «Летописи Иркутска» характеристику нового вице-губернатора: *«В канцелярских делах не сведущ, вспылчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за невыдачу подарков драл плетью и кнутом, притеснял приказных служителей, приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна»*.

отчин в той епархии никаких, ни единого двора. Я получаю всего жалования (с путевыми на разъезды) 506 рублей 25 копеек, из коих должен употребить на содержание Архирейского приказа с необходимыми при мне людьми до 350 рублей. Без жалования никто не будет жить при мне, а я еще и долгов не выплатил».

По этим побуждениям Преосвященный решился послать за свой счет в Синод доверенного иеромонаха Митрофана, который бы лично похлопотал о покрытии нужд епархии и вместе с тем выяснил, что надо предпринять против грабителя и святотатца Лебратовского.

В октябре 1734 года приехал из Петербурга поручик Пущин, забрал Жолобова, Сухарева, дворянина Литвинцева и еще кой кого и всех увез в столицу. На суде в Петербурге все увезенные из Иркутска были оправданы, кроме Жолобова. Голова лихоимца скатилась на плахе 1 июля 1736 года. Примечательно, что в обвинительных пунктах смертного приговора Жолобову не было ни слова о захваченном им монастырском имуществе. Тобольская губернская канцелярия и следователь Сухарев обиды духовенству преступлением не считали.

Таким образом, Плещеев остался в Иркутске вице-губернаторской властью, в которой одной сосредоточилось все управление. Преосвященный еще раз попытался попросить его о возвращении хищника Лебратовского в распоряжение духовного начальства. Плещеев же, не находя на сей раз, каким предлогом извернуться, чтобы не выдать денежного, увещанного соболями перебежчика, поставил себе за правило отмалчиваться.

Дерзости против епископа Иннокентия проявлялись одна за другой, ограждения же его прав не было ниоткуда. Синод и Тобольская канцелярия как будто бы и не получали его вопиющих молений о защите. Оставалось оставленному себя защищать самому. Убежденный, что козни Лебратовского всему злу причина, Владыка еще раз написал Плещееву, чтобы передал он в духовное ведомство служителя архиерейского или судил бы его немедленно сам. Но когда и на это требование не получил никакого ответа, тогда вынужден был сказать свое последнее слово: *«Канцелярия, укрывая и защищая вора и грабителя Лебратовского, явно соизволяет его плутовству, ибо и суду*

архиерейскому не отдает и сама не судит, но позволяет явно плуту свободно бродить и ездить по городу», - так писал огорченный архипастырь к бесчувственному вице-губернатору 22 апреля 1735 года. И именно с сей поры Плещеев начал без прикрытия выражать свою ненависть и неуважение к архиерею.

Со времени вступления Плещеева в полное управление краем после выезда Сухарева прошло много времени, а над Лебратовским суд, по предписанию Сибирской канцелярии, так и не начинался. Жил он своим домом. Часто видели его прогуливающимся под ручку с вице-губернатором. Свобода языка его, ругающего архипастыря, была безгранична.

Между тем, обители, у которых отобрал он деньги и вещи, роптали. Не был спокоен и народ, видевший бессилие епископа перед вице-губернаторской властью.

6 января 1734 года епископ Иннокентий произвел в сан архимандрита игумена Нерчинского монастыря Нафанаила с тем, чтобы весной отправить его в Якутию, где много накопилось беспорядков и служебных, и нравственных. Когда же наступил май, Преосвященный получил бумагу от имени коменданта Сухарева, в которой прочел, что произведенный им в сан архимандрита Нафанаил есть убийца, запытавший в Нерченском монастыре монастырского служителя Семена Корыма, и что рукоположенный им в священники Иван Скорняков есть конокрад и тать.

Под доносом подписывался иркутский дворянин Иван Литвинцев, который был в свое время жертвой истязаний Жолобова. Из застенков написал он в Архиерейский приказ о своих страданиях, ища в нем защиты. Епископ не признал себя вправе в деле постороннем и препроводил просьбу к Сухареву. Узник страшно озлобился и стал придумывать духовному начальству, не принявшему в нем участия, козни. Лебратовский был ему в помощь.

Приняв эту бумагу за пасквиль, епископ Иннокентий написал в Провинциальную контору, что никогда никакого Семена Корыма в Нерчинском монастыре не было, что Ивана Скорнякова в священники он не производил. Что же канцелярия? А, точнее сказать, Плещеев? «Дело уголовное, нельзя оставить без расследования», - отвечал он. И развел следствие:

запретил поездку в Якутск архимандрита Нафанаила, вызвал из Нерчинска настоятеля монастыря Боголепа. «Решайте же скорее!», - неоднократно писал Преосвященный Плещееву. Тот же, не находя ни подтверждения сказанному в доносе, отмалчивался. Между тем, время к отправке архимандрита было упущено. Издевка над архипастырем, и больше ничего.

Гнетом лежала на душе Владыки участь еще одного страдальца Ильинского закащика (благочинного) Даниила Иванова, за которым первый епископ Иркутский утвердил право надзора над церквями от Байкала до Читы. Итанцинский священник Авраамий Дмитриев в конце 1731 года составил на него донос о неслужении некоторых царских молебнов и панихид. Так как подобные дела по указам того времени рассматривались в Провинциальных Канцеляриях, а вице-губернатор Жолобов был в то время за Байкалом, то Архиерейский приказ послал к нему донос и самого доносителя.

Жолобов, опросив Дмитриева поверхностно, отправил доносчика в Вознесенский монастырь с указом: держать его в Архиерейском приказе. Последний стал в монастыре сумасбродствовать. Во время служения в большие праздники выбегал среди церкви и кричал на закащика «слово и дело». Чтобы избавиться от него, пока не прибудет новый Преосвященный, Архиерейский приказ определил Дмитриева (прозвище его было Белых) на служение в Кудинскую церковь.

По прибытии епископа Иннокентия дело было отдано Сухареву. В ответ на запрос Сухарева Архиерейский приказ сообщил, что, за отсутствием председателя приказа Паисия, донос священника Дмитриева и самого Дмитриева отправил за Байкал временно заведующий Архиерейским Приказом игумен Пахомий, настоятель Киренского монастыря. Тогда Сухарев вызывает игумена Паисия и игумена Пахомия как людей, имеющих отношение к делу Дмитриева.

Таким образом, по голословному обвинению Авраамия Дмитриева, были вызваны в Иркутск и отлучены от церквей два священника, а от Посольского и Киренского монастырей - два настоятеля игумен Паисий и игумен Пахомий. Целые приходы были оставлены без службы церковной. Дело надолго

затянулось. Доносчика и подответных продолжали держать под страшным арестом в Провинциальной канцелярии.

Прошли январь и февраль 1734 года. Преосвященный убедительно просил Сухарева отпустить на время в приход этих священников, или хотя бы Даниила под Его поручительство. Но на просьбу епископа Сухарев не снизошел. Пришлось заместить вакансии их новыми священниками, а обязанность закащика поручить селенгинскому попу Кириллу Корытову.

«Что Вы делаете?» - написал Преосвященный Сухареву в очередном послании. - **На исходе суровый сибирский сентябрь, а ни в чем еще не обличенный священник Даниил Иванов около 9 месяцев томится под вашим судом и заперт в холодную башню, не получая по нескольким дням куска хлеба. Решайте или освободите мученика»...**

Новая история. В Иркутске заведовал полковым двором поручик Якутского полка Адриан Греченин. В июне 1734 года схватил он дьячка Онисифора Бобровникова из Иоанна – Прокопьевской церкви, сына архимандрита Корнелия, до пострижения бывшего священником Балаганской церкви под именем Козьмы Бобровникова, и потребовал от него подушных денег за 10 лет. Дьячок доказывал свое право происхождения от священника, что избавляло его от платежа подушной подати, к тому же он давно состоял на службе. Поручик же ссылался на перепись, которая производилась в 1723 году, где он, Онисифор Бобровников, значился при дяде своем, посадском человеке Петре Бобровникове, жившим в Балаганске. Дьячок говорил, что еще ранее этой переписи он был уже в архиерейской школе. **«Слушать ничего не хочу, – кричал поручик, - подавай деньги».**

Преосвященный по этому поводу написал в Полковой Двор. Дерзкий поручик ему отвечал: **«Несмотря ни на что, взыскать с Онисифора Бобровникова за 10 лет подушные деньги. И впредь взыскивать. И прошу впредь Полковой Двор такими порядками не утруждать».**

Ну что тут делать с такой наглостью?

Епископ обратился в Провинциальную канцелярию. Дело было ясно как день. Плещеев приказал остановить преследование дьячка. Греченин умолк, но не умолкла в нем злоба.

Какой - то ссыльный Махалов задумал жениться, уверяя епархиальное начальство, что его жена на прежнем месте жительства в Нижегородской епархии умерла. Преосвященный дозволил венчание священнику Троицко – Сергеевой церкви Власу Миронову, но с тем, чтобы предварительно истребовано было заверение от Иркутской Провинциальной канцелярии, что Махалов действительно вдов. А так как Канцелярия не имела основания дать требуемое заверение, вмешался в дело Греченин.

Он послал к священнику Власу адъютанта с сержантом и с несколькими солдатами, которые уверили его, что епископ приказал немедленно обвенчать Махалова. Преосвященный Иннокентий находился в это время в Вознесенском монастыре, поэтому священник положил на честное слово людей благодородных и обвенчал. Узнав об этой проделке, епископ был раздосадован и счел нужным оградить себя, на случай открытия двоеженства Махалова, донесением о пакости Греченина в Синод. Но предпринял не только это.

При пересмотре дела о постройке в Иркутске неоконченного при свт. Иннокентии каменного Богоявленского собора Преосвященный усмотрел, что некоторые церковные старосты злоупотребляли достоянием церкви. После этого Гранин и некоторые другие церковные старосты были вызваны в Архиерейский приказ. Проверка началась с Гранина. Тогда 3 марта 1735 года первый раз Владыка употребил грозную меру – отлучение от Церкви. ***«Властью, от самого Господа Бога данною нам, повелеваем вам со всеми градскими священниками к оному Ивану Гранину отныне в его дом ни с какими духовными требами и прочим не входить, и благословение не давать, пока оный не исправится и не возвратит денежную сумму».***

Отлученным от общения христианского, епископ объявил и поручика Греченина.

Тяжело было на душе почетного гражданина Гранина, когда перестали его посещать служители Церкви, особенно, когда прошли мимо его дома со святым крестом в Светлый день праздника Пасхи; он перестал упорствовать: внес требуемую сумму и поискал с епископом примирения. 23 мая последовало разрешение Преосвященного иркутскому духовенству посещать

Гранина со всеми его духовными потребностями. Совсем иначе подействовала мера отлучения на закаленного в дерзостях поручика Греченина.

Между тем, у Плещеева затевалась свадьба. Свояченицу свою Екатерину Васильевну Старкееву просватал он за сына боярского Емилиана Толстоухова. Нужна была вечная память и Преосвященный приказал дать ее на имя соборного протопопа Ивана Старцева, которому предоставлял право венчания.

Указами того времени поставлялось в строгую обязанность брать присягу от родителей или от их близких родственников в том, что между брачующимися не было никакого родства и других возбраняющих брак препятствий. Преосвященный велел соборному протопопу родителей жениха привести к присяге, а вице-губернатора, заменяющего невесте отца, к присяге архимандриту Нафанаилу. Таким образом, епископ Иннокентий со своей стороны проявил деликатность по отношению к градоначальнику. Но слишком неделикатно принял все это Плещеев. ***«Присяги не даю. Я не хочу знать вашего архиерея, тем более подчиняться его распоряжениям. Я отошлю жениха и невесту в Москву, и там их обвенчают»***, - таково было заявление управителя края против законного требования епископа. Ясно, что раздражительность Плещеева была вызвана не присягой, а последней бумагой Преосвященного.

...«***А что же мой домик?***», - спросил, наконец, епископ вице-губернатора Плещеева после полуторалетних поездок из Вознесенского монастыря в Иркутск и обратно. Плещеев отвечал 10 мая 1735 года, что из Москвы из Сибирского приказа 9 октября 1731 года было получено в Иркутске предписание, чтобы построить в Иркутске за счет казны для проживания архиерея и для его служителей покои без излишеств. С этой целью и лес с публичной торговли приготовлен. Потому епископу остается указать место и прислать план.

Для освидетельствования места были посланы игумен Паисий и иеродиакон Никон. На основании сделанного ими удостоверения Владыка написал Плещееву, что лес тонок от 5 до 6 вершков в отрубе и годен разве на сараи и заплаты, но не на хоромы. При том от давней заготовки он попортился. Место же для проживания архиерея отводится неприличное, за мелочным

рядом, среди обывательских домов. Тогда как архиерейские дома всегда бывают вблизи соборов. И, так как, дом этот будет построен не для него одного, но и для его преемников, он не может допустить постройки из такого леса и на таком месте, а желает, чтобы архиерейский дом был построен на месте нынешних Гостиного двора, вблизи собора.

При этом Преосвященный сделал следующий запрос: *«В городе Иркутске имелся двор при епископе Варлааме, прикладной ему (Варлааму) от иркутского дворянина Ивана Максимовича Перфильева со всяким строением и местом, на котором ныне построен мясной ряд. По какому указу то архиерейское место и кем отнято?»*.

Плещеев не нашелся, что ответить на этот запрос, обошел его молчанием. А относительно постройки архиерейского дома на месте Гостиного двора обещался писать в Сибирскую канцелярию в Тобольск, так как без ее разрешения Гостиный двор и казенный подвал тронуть нельзя. Их перенос потребует значительных издержек от казны и пожертвований со стороны купечества. После этого Преосвященный время от времени продолжал спрашивать вице-губернатора: *«Скоро ли дом?»* На что вице-губернатор отвечал: *«Не получено-де разрешение от Сибирской канцелярии на снос Гостиного двора»*.

Наконец Преосвященный решился высказать Плещееву все, что у него было на сердце. Он поставил ему на вид и прямые злоупотребления его власти, и бездействие ее. Еще прибавил то, что Иркутскому монастырю не выплачивали деньги за соль, которой исправно снабжала обитель Иркутск и Балаганск. Эта недоимка простиралась до 1000 рублей*. Вспомнил и то, что миссионер Камчатки игумен Филевский был отправлен в Якутск на плоту и чуть не утонул в реке Лене со своими спутниками, тогда как из Сената предписано было препровождать миссию прилично и удобно.

Задерживался и отпуск хлебных дач самому епископу, с Высочайшей воли ему определенных, или дачи производились с обмером, обвесом и обманом. Важнее же было то вмешательство

* На Малом и Большом острове на Ангаре (близ современного Усоля-Сибирского) была расположена Вознесенская варница, принадлежащая Иркутскому монастырю.

во время призыва к крещению бурят и якут, которое чинили ясачные сборщики. Они не только не избавляли новокрещенных от ясака, но и особенно отягощали их.

Все это архипастырь признал нужным опубликовать по всей епархии, как свою Архиерейскую грамоту. *«Ныне ... не токмо не имеют к нам по надлежащему послушанию, но и ругают всячески, прекословят и в благородном деле препятствия чинят, вопреки данной мне от Святейшего Синода грамоте».*

Каково было читать вице-губернатору следующие строки: *«Сущии же тамо в той Иркутской епископии боголюбивые князи и все христоименитое воинство и всякого чина православные христиане яко истини сынове света должны суть сему от Бога званному архиерею по данной ему свыше благодати от Пресвятого и Животворящего Духа во всем повиноватися и должную честь и совершенную любовь и послушание к нему простирати без всякого пререкания. Презираяй архиерейские повеления... отлучен есть, и Святейшего Правительствующего Синода благословения лишен».*

Для гордыни Плещеева это был страшный удар.

Церковные дела в Якутске

Якутск со времени своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной на шесть тысяч верст Тобольской митрополии и оставался без надзора, как дитя вдали от матери. В течение первых восьми десятилетий на побережьях Лены и даже на р. Камчатке создавались иноческие обители. Не только в самом Якутском остроге, около Ледовитого океана возникали Божьи храмы. Везде, куда попадали русские люди, ставились для молитвы часовни и для наблюдения за ними определены были особые старосты. Но все это делалось так, что епархиальный архиерей и митрополит Тобольский должны были осведомляться через приезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей и часовен в Якутском ведомстве и где они? Есть ли при них священники? Кто таковые? И откуда?

В Якутске кроме Спасского монастыря были построены Троицкий собор и две церкви: Богородская и Никольская. В Троицком служил протопоп Андрей Тарлыков, поставленный на служение митрополитом Антонием Стаховским в 1730 году.

В 1732 году побывал в Якутске посланец Иркутского Архиерейского приказа, известный нам Герасим Лебратовский якобы для принятия Якутской области в состав Иркутской епархии. При Беринге находился там посланец епископа Иннокентия иеромонах Феофил, пользовавшийся безграничной привязанностью командора и его жены. Поэтому сведения о Якутске доходили до епископа Иннокентия. А его забота о жителях города уже проявилась в ходатайстве архиерея перед Синодом об устройении в Якутске дома призрения для бедных, больных и престарелых иноземцев.

Внимание Преосвященного было обращено на сотни тысяч якутов, блуждающих во тьме идолопоклонства. Ведь одним из главных влечений души его было – пронести Евангельскую проповедь в их среду. Поэтому в марте 1735 года архипастырь заявил Плещееву, что намерен ехать в Якутск.

На сей раз вице-губернатор не замедлил сделать нужное распоряжение илимскому управителю Константину Игумнову

выдать один дощаник с припасами служителю архиерейскому Швалеву для сплава Его Преосвященства в Якутск.

6 июня отправился Преосвященный в путь со своим Архиерейским приказом, состоящим из наместника иеромонаха Корнелия, приказного надзирателя Алексея Попова, писчика Решикова и увезенного от следствия Нафанаила. Между 11 и 13 числами июля 1735 года прибыл епископ Иннокентий в Якутск.

Лишь только достиг епископ Витима и встретил якутов, как началась его равноапостольская деятельность. Якуты обоего пола принимали от него крещение, хотя сначала в небольшом количестве. По прибытии Владыки в Якутск деятельность эта приобрела большие размеры. В уведомлении для Якутской воеводской канцелярии сообщается, что в июле - августе 1735 года им было окрещено 64 человека обоего пола из якутской породы. К письму Владыка приложил именной список ново-крещенных с тем, чтобы им немедленно дали льготу от ясака.

В память об этом крещении многих якутов в урочище Киллем («У трех лиственниц») в 30 верстах от Якутска поставил еп. Иннокентий Крест и благословил устроить часовню в честь Животворящего Креста.

Положив доброе основание, Преосвященный предоставил продолжать дело обращения якутов архимандриту Нафанаилу и всему якутскому духовенству. Владыка просил и воеводу Жадовского, чтобы не стеснял желания якутов на принятие крещения и не нарушал закона о льготе в платеже ясака.

Другая же мысль положена была в основание инструкции Нафанаилу - открыть в Якутске школу и избавить через то духовных лиц от тяжелой обязанности доставлять детей своих для обучения в Иркутск. ***«Прежде всех их поголовно забирали в казачью или военную службу яко неучей. Отныне, - писал Владыка в Воеводскую Канцелярию, - сего да не будет. Но чтобы обучающиеся в школе оставлены были в звании, приобретенном ими по рождению от священнослужителей, дабы со временем занять их отцов места и через то избавить церковь от необходимости принимать во священство из служивых людей и от крестьянства».***

Архимандрит Нафанаил был деятелем ревностным. Школа в Якутском монастыре была тотчас открыта и дала

возможность несчастным священникам, сосланным в Охотск, безвинных детей своих пристроить в этом учебно-нравственном приюте. Священник Онисим Абрамов с радостью отдал сына Михаила, а товарищ его по несчастью Михаил Трифонов двух сыновей – Ивана и Прокопия. Последний будет долголетним вероисповедником в Земле Чукотской. Кроме детей местного духовенства, в школу с самого начала поступило шесть отроков из туземцев.

В Якутске Преосвященный обратил внимание на то, что при якутском соборе не было диакона. Во всем городе был один диакон в Богородской церкви Василий Шапошников, но нерадивый и непослушный. Епископ предписал якутскому духовенству выбрать достойного занять вакансию диакона при соборе. Общим голосом был одобрен сын протопопа Андрея Тарлыкова - Николай. Он и был рукоположен во диаконы.

А диакона Василия Шапошникова, неисправного по службе, приказал выслать в Иркутск. Тот и был потом в Иркутском Вознесенском монастыре монахом под именем иеродиакона Венедикта

Были успокоены некоторые несчастливцы, ссыльные из духовного чина, бродившие в Якутске без пропитания, приняты они были в Якутском Спасском монастыре. Причислены были к послушникам лишенный священства Борис Мелентьев и бывший иеромонах Иван Каргополов, присланные из Тайной канцелярии.

15 июля епископ получил письмо от Григория Писарева-Скорнякова, только что выехавшего из Якутска в Охотск. Скорняков писал, что в Удском остроге, стоявшем как от Якутска, так и от Охотска за 1000 верст, велено поселить 10 семей крестьян, да столько же служивых людей, и что в таком удаленном месте требовали священника. В случае неимения у архипастыря кандидата на это место, Скорняков рекомендовал Иосифа Хмылева. Епископ признал Хмылева достойным священства и рукоположил его, отправляя же его в путь, поставил в обязанность к часовне Удского острога прирубить алтарь.

Между тем, обыватели Зашиверского острога сообщили Преосвященному, что у них церковь Спаса Нерукотворного

Образа с давних времен стоит пуста, нет священника. Младенцы умирают без крещения, взрослые без напутствия, сожителство остается без брачного освящения. В церкви нужен священник, они желают видеть у себя священником дьячка соборной Якутской церкви Алексея Слепцова. Тогда Слепцову был сделан запрос о происхождении. Он показал, что родом москвич, сын Ивана Романовича Слепцова, бывшего коменданта при Государыне царевне блаженной памяти Наталии Алексеевны, сослан сюда по делам, неизвестным ему. На другой же день, т.е. 20 июля епископ посвятил Слепцова во диакона, а затем во священника.

«И у нас храм Божий во имя Святой Животворящей Троицы в Колымске стоит пуст без священника», - жаловались перед архипастырем обыватели Колымского острога и просили поручить заведование Колымской церковью тому же новопроизведенному священнику Алексею Слепцову. И добавили: **«Тем более что остроги Зашиверский и Колымский отстоят друг от друга только на пять дней езды на собаках»**. Преосвященный 30 июля велел отписать Слепцову: **«Будет ли он подаянием мирским доволен?»** Чем дело кончилось, не указано, но по духу резолюции понятно, что кончилось оно удовлетворением просителей.

На место Слепцова нужен был в Якутском остроге дьячок. Прихожане представили Преосвященному выбор на лишнего священства Федора Ивановича Протопопова, как на человека доброго, не пьяницу. Епископ тотчас потребовал сведений о Протопопове из Якутской воеводской канцелярии. Она отвечала, что лишенный священства Федор Протопопов в числе семи человек колодников прислан в Якутск 31 июля 1727 года из Преображенского приказа за непристойные слова без права выпуска отсюда. Владыка утвердил несчастного в дьяческом месте при Якутском соборе.

И еще одно назначение состоялось 6 августа, по просьбе прихожан Николаевской церкви. На место отказавшегося от служения за старостью священника Алексея Степанова был рукоположен во священники якутский служивый человек Иван Васильевич Оконешников.

Не успел еще Преосвященный распрощаться с городком, где довольно спокойно и без особых тревог провел 1,5 месяца, как достигло его неприязненное отношение из Иркутска: вице-губернатор Плещеев только теперь перед выездом прислал якутскому воеводе разрешение выдать Его Преосвященству 1 пуд табака, тогда как теперь в подарках не было надобности. К тому же Владыка лично просил Плещеева выдать не один, а 10 пудов.

24 или 25 августа того же 1735 года епископ Иннокентий выехал из Якутска. Проездом Владыка погоревал над некогда цветущей Покровскою пустынею, устроенной на утешение верным, но до того обобранную Лебратовским, что всех денег оставалось в обители 47 рублей, тогда как на месте храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы виделось пепелище после пожара 1730 года. Еще в Якутске Владыка дал благословение строить новую церковь и дозволил провести денежный сбор на его постройку по всей епархии.

27 сентября Иннокентий Нерунович прибыл в Киренский монастырь, где игуменом был Пахомий, перемещенный распоряжением Архиерейского приказа 2 ноября 1732 года из Братской Спасовой пустыни. Владыка обратил внимание на обширность Киренского прихода и посвятил во священники диакона Киренского монастыря Ивана Иванова, ставшего помощником киренскому священнику Иакову Панфилову.

Известно и то, что епископ велел публично наказать перед народом одну неверную жену и ее обольстителя для страха прелюбодеям.

Учеты монастыря, составление подробной описи всего монастырского имущества и распутица надолго задержали здесь архипастыря. Он выехал из Киренска только 26 октября.

...Деятельность епископа Иннокентия была непрестанной, постоянно направленной к благоустроению юной епархии. Прекратить нравственные непорядки, возвысить благочестие через умножение храмов, взывать в царство благодати ходящих

во тьме язычников, защищать православное святое крещение от незаконных притязаний, обратить внимание на нищих и беспомощных даже в Якутске. Таковы были его заботы, сопровождающие во всех случаях примерной быстротой его административных решений.

Вновь о противостоянии властей

Во время нахождения епископа Иннокентия в Якутске его недоброжелатели не оставались в покое. В отсутствие архиерея, к примеру, Иркутский вице-губернатор Плещеев попустил вдове покойного богача Пивоварова отнять у Вознесенской обители актами закрепленные за ней сенные дачи.

Тогда же схвачен был и отправлен в Провинциальную канцелярию писец Архиерейского приказа, священнический сын из Великого Устюга Иван Попов, когда-то временно проживающий в Нерчинском монастыре. Сперва ласками Лебратовский и Плещеев склоняли его подтвердить, что Нафанаил засек служителя, но когда ласки не подействовали, тогда стали вынуждать из несчастного лжесвидетельства пытками — цепью, плетью, дыбам, хомутом и другими страшными орудиями. К счастью, Иван Попов, хотя и изрядно пострадал, но сумел бежать из застенков Плещеева. Впрочем, долго они не пустовали.

Епископ Иннокентий тоже не выпускал из виду своих лиходеёв. Из Якутска возвращался он с новыми запасами обвинений против Лебратовского, который мало что разграбил Покровскую пустынь и Якутский монастырь, но и разорил нескольких частных лиц, задолжавших у покойного архимандрита Феофана ничтожные суммы под дорогие залоги. Эти залоги Лебратовский продал в свою пользу, сверх того отобрал у некоторых священников застрачиванием якуток, нанятых в услужение, и насильно увез их в Иркутск для своих услуг.

К таким запасам справок о низостях Лебратовского епископ Иннокентий на обратном пути получил в Киренском остроге весть, которая придала ему новые силы в борьбе с корыстолюбивым правителем края.

Сюда явился из Иркутска к епископу с депешами один из вкладчиков Вознесенского монастыря, Давид Гагаринов, и передал, что, вследствие жестокого управления вице-губернатора Плещеева, в страдное время 1735 года братские мужики возымели недобрую думу напасть на русских и для этого вооружились. Взволнованные этим, крестьяне из малых деревень бросились в большие селения. В Бельском остроге и в Бадайской слободе они укрывались в храмах, били тревогу в

колокола и в этом переполохе оставались до тех пор, пока Плещеев не прислал в Балаганский и Бельский остроги сотника Чемезова и поручика Греченина с вооруженными солдатами.

Когда восстание таким образом было усмирено, тогда по приказанию Плещеева Греченин начал расправляться с зачинщиками дела - инородческими властями. Расправа кончилась тем, что большие деньги были свезены и видимо - невидимо скота было угнано во двор вице – губернатора.

Гагаринов, прибывший к Преосвященному, утверждал, что может подтвердить все им сказанное даже на бумаге, подтвердят это и другие очевидцы, например, иеродиакон Дометиан, который был в это время в Бадайской монастырской вотчине, Аюша Халанчен, в крещении Иван Осипов и давно крещенная бабка Анна Иванова. Тогда епископ Иннокентий приказал Гагаринову следовать обратно в Иркутск и к приезду епископа приготовить письменные удостоверения.

25 ноября 1735 года Преосвященный возвратился в Иркутский Вознесенский монастырь, и на завтра же пошло от него извещение в Сибирскую губернскую канцелярию о бывшем бунте и о завершении дела взятками с приложением письменных показаний Гагаринова и Дометиана. Сибирская канцелярия со своей стороны послала извещение епископа в Москву, в Сибирский приказ, но не уведомила об этом епископа Иннокентия, а он, на основании прежних поблажек из Тобольска иркутским властям, имел право подумать, что извещению не дано ходу, и опять решился войти в сношение с Сенатом. Описав историю возмущения бурят, он присовокупил к сведению Сената, что при усмирении бурят собирали с них по 1,5 рубля с лука, а с десяти луков по хорошему быку или корове, а тот-де скот пошел в дом вице-губернатора Плещеева.

Сказать надобно, что и Плещеев не упускал случая уколоть своего противника, где только представляли к этому возможность недосмотры со стороны епископской канцелярии. А недосмотры, при горячности епископа и небрежности не всегда трезвых, распущенных писцов Архиерейского приказа, бывали нередко. Например, ему поднесли справку, что с таких-то новокрещенных взяты ясаки вопреки Закону о льготе.

Преосвященный написал Плещееву, что тот пренебрегает Законом. Вице-губернатор, со своей стороны, показал, что уведомлений в Провинциальную канцелярию об иных новокрещенных совсем не было, а о других хотя и было сообщение, но без показания их прежних имен, места жительства, без обозначения года, месяца и числа крещения.

Преосвященный, всмотревшись в дела, убедился, что Провинциальная Канцелярия отчасти была права, и окончил, на сей раз, строгим предупреждением священникам, дабы они о крещении бурят доносили подробно, причем не только о времени крещения, о прежнем и новом имени, месте жительства новокрещенных, но и об их воспитанниках. Провинциальную канцелярию же велел просить, что пока этот порядок не вполне установился, при сборе ясака о заявляющих себя окрещенными производить дознание на месте.

На основании подобного же неосмотрительного со стороны Архиерейской канцелярии доклада епископ по возвращении своем из Якутска писал в Провинциальную канцелярию, что ему не выдают жалования денежного и хлебного на сей 1735 год, и что за прошедший 1734 год он не получал ни овса, ни денег за овес. Поэтому он будет искать сатисфакцию за пренебрежение Императорским указом.

«Его Преосвященству, – отвечал Плещеев 13 января 1736 года, – денежное жалование за 1735 год ... было поднесимо через дьяка Никифора Кондратьева, но неизвестно, почему не принято. О выдаче 647 четвертей ржи предписано провиантмейстеру Алексею Чемцову, а об отпуске вина 100 ведер бургомистру Андрею Елезову, но неизвестно, почему сии припасы служителями Его Преосвященства из магазинов не принимаются. О сборе овса сделано распоряжение, и коль скоро доставка будет в магазины, то 647 четвертей и этого продукта отпущено будет Его Преосвященству без промедления. Наконец за овес 1734 года в получении деньгами Его Преосвященство соизволил собственноручно 19 марта 1735 г. расписаться и, вероятно, запечатовать».

В заключение ответа Плещеев высказался так: *«Ваше Преосвященство, Вы уже не в первый раз попрекаете*

канцелярию пренебрежением Указов Ее Императорского Величества и злоупотреблениями, чего терпеть долее невозможно. Тогда как в вашем приказе не хотят навести порядочных справок, а написавши какую попало промеморию, надеясь на то, что Вы в дела не вникаете, подкладывают Вам к подписи».*

Теперь вернемся к Адриану Греченину, которому Преосвященный запретил входить в Церковь. Добавим, что и священникам в то же время был воспрещен вход в его квартиру. Греченин старался казаться равнодушным, однако, при тогдашнем малолюдстве города, опричник чувствовал себя очень заметным. Поэтому – действительно ли ему случилась надобность в священнике или придуман был только предлог – он обратился к одному, другому, третьему из соборных священников и, наконец, к самому протопопу Старцеву с просьбой напутствовать больную - его дворовую девицу. Но ни один из священников не пошел в дом отлученного.

Греченин заявил об этом вице-губернатору Плещееву. Тогда 5 января 1736 года Плещеев написал Преосвященному Иннокентию в тоне защитника края от стеснительных мер архиерейских. Вот слова из письма Плещеева: *«Поручик Греченин четырехкратно обращался с просьбой к соборным протопопу и священникам, чтобы напутствовать в доме его больную, но они говорят, что в его дом входить им воспрещено. Греченин не знает тому причины. Кроме него Вашим Преосвященством положено запрещение еще на несколько домов в городе Иркутске и в деревнях. Подпавшие под запрещение плачут и рыдают, не ведая даже причины отлучения. Потому прошу Вас налагать подобные запрещения согласно правилам церковным по предварительным уведомлениям и по объявлению непокорным вин их, заслуживающих церковного отлучения. А я со своей стороны обещаю в таком случае зависящее от гражданских властей содействие Церкви».*

Преосвященный на эту промеморию велел отписать, что идти к больным для исповеди и крестить не запрещено в доме

* Промемория – отписка или письмо

поручика, *«точно ему озорнику входу в тую церковь не повелено»*, так как *«не покорев церкви стал»*.

Что же придумал Греченин вместо покорности? Того же января 1736 года подошел он к Прокопьевской церкви с солдатами и лишь только вышли из храма священник и известный нам Онисим Бобровников, служивший при церкви в диаконском сане, как Греченин приказал схватить его солдатам, утащил в съезжий двор и посадил под арест. Уведомленный об этом Плещеев приказал диакона отпустить и тем покрыл наглый поступок. Что оставалось Преосвященному делать с озорником, на которого суда не было? Зная, что поручик Греченин разъезжал по делам подушного сбора по разным местам провинции, Преосвященный 27 февраля сделал уже циркулярное по епархии предписание, чтобы Адриана Абрамова Греченина в церкви нигде по Иркутской епархии и в Нерчинске не впускать и ни с какими требами к нему не входить.

Между тем, забияка не унимался. Во время поездки на Байкал в Шакшинской заимке, принадлежащей Нерчинскому Успенскому монастырю, он стал отнимать лошадь у одной служительской жены. А так как женщина не соглашалась отдать ее, то избил несчастную треногою до полусмерти. Лошадь же увел и не возвратил.

По возвращении своем в Иркутск пошел в Иоанно-Прокопьевскую церковь; когда же священник, он же поповский староста* Каблуков напомнил Греченину, что вход ему в церковь не дозволен, обнажил кортик. И за все эти дерзости наглец оставался без взысканий, сколько бы ни писал о них епископ его начальнику - селенгинскому коменданту Бухгольцу.

20 мая 1736 года вкладчик Вознесенского монастыря Давид Гагаринов пришел в город за покупками. Здесь беднягу схватывают, влекут в Провинциальную канцелярию, заковывают в кандалы, и Плещеев изливает на него всю свою ярость.

К сожалению, Преосвященному не дано было узнать в этот день, что случилось с Гагариновым, и это было причиною того, что он не уклонился от тяжелой неприятности, которая ему готовилась на завтра.

* Поповский староста - благочинный

21 мая епископ Иннокентий служил Божественную Литургию в Богоявленском соборе по случаю крестного хода вокруг города. По окончании процессии Преосвященный с духовенством были приглашены на обед к главному откупщику Ивану Глазунову. Явились туда также и Плещеев, и Греченин.

Угощения и вина у откупщика было немало, и языки вице - губернатора и поручика развязались сначала на упреки епископу, потом на укоризны и на ругательства самые пошлые, которыми оглашались тогда рынки. Дерзкие руки поднялись даже на неслыханное оскорбление Архипастыря, к чему, однако же, не были допущены. Плещеев послал за солдатами. Благо-разумие хозяина и участие бывших тут граждан спасли епископа от конечного поругания и доставили ему возможность выйти из дома, сесть в лодку и переправиться через Ангару в Вознесенский монастырь.

Только через три дня узнал Владыка истинную причину дикого поступка вице-губернатора, когда прочитал полученное им 24 мая известие из Тобольска, что, по распоряжению Сибирского приказа, Плещеев по делу возмущения людей братских предан следствию, и следователем назначен полковник Бухголец. Бумага на имя Преосвященного несомненна была получена в Иркутске 20 мая с той же почтою, с которой Плещеев получил известие о своей подсудности, но, очевидно, была задержана в Провинциальной канцелярии, дабы воспользоваться днем предполагавшегося угощения у Глазунова, чтобы нанести Владыке подготовленное оскорбление.

Тяжело было на сердце у епископа Иннокентия. Простить он был не вправе, потому что **оскорблен был сан**, который и на будущее ничем не обеспечивался от подобных и еще больших наглостей со стороны градоначальника.

На поручика Греченина Преосвященный написал жалобу полковнику Бухгольцу, к полку которого принадлежал обидчик, прося предать его суду. Но куда жаловаться на вице-губернатора Плещеева? В Сибирскую Тобольскую канцелярию? Но в это время Сибирская губерния должна была делиться на две части: Тобольскую и Иркутскую. Вице-губернатор Иркутской губернии перестал быть зависимым от губернии Тобольской.

На защиту же Синода, судя по молчанию оттуда на прежние свои представления, епископ Иннокентий рассчитывать не мог. Поэтому решил он сам поехать в столицу и лично рассказать о своем положении. В этой решимости послал он 10 июля 1736 года в Синод письмо с просьбой о дозволении явиться в Петербург.

Между тем, 7 июля Преосвященный на свои жалобы получил от полковника Бухгольца ответ, заслуживающий место в летописи Сибири на память, как она, бедная, худо была ограждена от наглицев кривым толкованием законов. Полковник не отвергал, что поручик Греченин подлежит суду за тяжкое оскорбление, нанесенное Преосвященному, но для суда над ним по воинскому уставу требуется президент-полковник, два капитана, два поручика и два прапорщика. А так как в Селенгинске такого комплекта офицеров нет, то и судить поручика нельзя. Когда же скопится требуемое число офицеров, тогда будут его судить.

Это значит, что если бы поручик Греченин выжег город или перерезал несколько людей, то все равно судить его нельзя по недостающему комплекту судей. Для того же, чтобы отправить буйного к суду туда, где могло найтись полное число судий, у полковника Бухгольца не нашлось соображений.

Тогда огорченный епископ попробовал еще раз доказать правительству, что Плещеев - человек для края зловредный. Следуя этому замыслу, он в июне, июле, августе 1736 года посылал одно за другим несколько донесений в Сенат. Заметим, что ни в одном из них он не коснулся нанесенной ему обиды.

В одной изобразил он, в какой степени стеснено в Иркутской провинции обращение инородцев в христианство. Писал он о наглости ясачных сборщиков, не только не дающих новокрещенным льготы от платежа ясака, но и вынуждающих от них двойной платеж. Об их советах инородцам в угоду властям иноверческим не менять веры. Об устрашениях и даже насильственном отвращении от крещения при попусшении вице-губернатора. В подтверждении этому приложены были в немалом количестве жалобы бурят.

В другом донесении высказал несколько фактов злоупотреблений при отпуске из магазинов хлебных дач (пайка,

жалования) на дом архиерейский. В третьем описывал приемы Плещеева, когда тот хотел скрыть чье-либо тяжкое преступление (хотя бы и убийство) от законного преследования. Тогда заставлял он безмолвствовать жалобщиков и применял орудия пыток, под которыми несчастные жертвы оглушали город криками из застенков Провинциальной канцелярии.

Наконец, Преосвященный объявил Сенату, что еще ни один правитель Иркутска так не наживался, как вице-губернатор Плещеев. В доказательство этому он представил в Сенат подлинный счет тогдашних иркутских мастеров серебряного дела, выходцев из Великого Устюга Михаила Матвеевича Климшина и Ивана Васильевича Попова. Климшин оковал Плещееву шесть ящиков серебром по бархату с замками серебряными, делал несколько дюжин серебряных ложек, несколько штук серебряных судочков, подносов, подсвечников. Его товарищ Попов, кроме многих серебряных, делал много и золотых вещей, и не всегда по охоте, а чаще из-под кнута. Оба же мастера переделали серебряных вещей для вице-губернатора на более чем 10 пудов.

Не ограничиваясь донесениями Сенату, епископ 3 августа 1736 года написал в Сибирскую губернскую канцелярию, что Плещеев взял насильственно писчика архиерейского приказа священнического сына Ивана Попова под арест и пытал из него разными муками показания, что архимандрит Нафанаил есть убийца. Попов, однако, сумел убежать и потом рассказывал странные вещи, что Плещеев в канцелярии бывает редко, разве когда нужно кого-нибудь пытать. Остальные же дела решает дома своим произволом.

Посмотрим, как складывались отношения после бурной сцены в доме Глазунова между вице-губернатором и епископом Иннокентием. Епископу понадобилось послать в столицу нарочного с бумагами. Плещеев потребовал двойные прогоны (по 4 копейки за 10 верст). Преосвященный надумал отправиться вниз по Ангаре до Братского острога для обозрения этой части епархии и для призыва инородцев к крещению. Плещеев опять потребовал двойные прогоны. Владыка спрашивал Плещеева: *«Как же давали Вы мне вспоможение без всяких прогонов съездить в Якутск? А теперь для таких же епархиальных*

надобностей стесняете меня требованиями двойных прогонов, тогда как Вам известно, что на прогоны не получил я из казны ни копейки». В ответ вице-губернатор молчал.

Не менее затруднен был Преосвященный в отсылке в Россию и получении оттуда казенных бумаг. Например, он препровождал пакеты в Провинциальную канцелярию, а там не давали расписки об их приеме. Письма, следовавшие на имя Преосвященного из Синода, из других мест России, привозились сначала в Провинциальную канцелярию и не всегда доставались ему непрочитанными. По крайней мере, было судебное дело о том, что Лебратовский, подпоивший курьера Бычкова, приехавшего из России, вскрыл у него бумаги к Преосвященному из Синода и секретное письмо из Сибирской канцелярии. Дело кончилось, разумеется, тем, что ни на Лебратовского, ни на Бычкова архиерей суда не нашел.

Можно ли представить стеснительнее этого положение особы, облеченного архиерейской властью, но находящегося под гнетом прихотей озлобленного Повелителя края, под гнетом, к облегчению которого не было ниоткуда руки помощи? А что терпела при таких грубых отношениях Плещеева к епископу прислуга Вознесенского монастыря, в котором пребывал архиерей? Лишь только показывался в городе кто-нибудь из вкладчиков или из писцов Архиерейского приказа, или келейников архиерейских, как их хватали, брали под арест и держали в застенках канцелярии несколько дней.

С 21 мая после страшной беседы у Глазунова епископ Иннокентий более трех месяцев не был в Иркутске. Но 11 сентября прискакал в Иркутск нарочный с Манифестом о взятии генерал – фельдмаршалом графом фон Минихом Перекопской линии и об отправлении по этому случаю благодарственного молебна с целодневным звоном и с пушечной пальбою.

В этом случае Плещеев письменно попросил епископа Иннокентия прибыть в Иркутский собор для совершения торжества. Надобно было покориться необходимости, но, отслужив 12 числа в соборе Литургию и молебен, Владыка тотчас отправился в свой монастырь.

От искушений никуда не уйдешь. 14 сентября епископ справил отечественное торжество и в своем Кафедральном Вознесенском монастыре. По окончании церковной службы он пригласил к себе на угощение монастырскую братию. Во время питья за здоровье Ее Императорского Величества Владыка приказал выпалить из двух пищалей. Звуки донеслись до Иркутска. В глубокий вечер, когда епископ был уже в опочивальне, к нему ворвались три солдата с допросом: **«Нет ли на монастырь нашествия? Или какого притона* для иностранных гостей?»** Разгневанный Владыка приказал наглецов схватить и держать под арестом до утра. Эта история послужила основой легенды, будто бы епископ Иннокентий и вице – губернатор Плещеев перестреливались из пушек.

От таких тревог родилось у Преосвященного желание водвориться в пустынь. Преосвященный избрал местность в двух верстах от Вознесенского монастыря (на северо–запад по течению р.Ангара), за Жилкинским селением в густой березовой роще. Там для пребывания Владыки устроили обширный, удобный одноэтажный дом. В одном из его отделений была устроена церковь во имя св. мученика Иустина Философа. К ней Владыка причислил небольшое братство. Настоятелем церкви был определен игумен Иннокентий, которого Беринг вывез из Красноярска, но который не годился по старости в морскую экспедицию.

Устроив себе загородный дом, слывший в Иркутске под именем Архиерейской Жилкинской заимки в Роще, епископ Иннокентий сделался совершенным отшельником. В Иркутск перестал ездить, и даже обитель Вознесенскую посещал нечасто. Сюда же, на заимку, перенес Преосвященный и школу.

Избавившись от его непосредственного надзора, канцеляристы Архиерейского приказа, оставшиеся в Вознесенском монастыре, дико воспользовались волею. Часто без причины теснил Плещеев этих выходцев из монастырских стен. Это правда. Но бывало и такое, что, явившись в город, они напивались и дебоширили, а за это брали их на съезжий двор уже законно.

* Притон - прибежище

Сам председатель Приказа архимандрит Корнелий, не управившись с ними, слезно просил епископа Иннокентия, уволить его от сей обязанности по причине старости и частых болезней. При этом сообщал, что надзиратель приказа Алексей Попов и подканцелярист Егор Решиков пьянствуют и *«дел государевых, и челобитчиковых, и денежных споров не отправляют, и его, Корнелия, не слушают»*. Преосвященный Иннокентий, однако, счел нужным оставаться верным принятому им образу жизни.

Тогда как епископ Иннокентий устраивал свою заимку, посмотрим, что делалось у иркутского вице-губернатора Андрея Григорьевича Плещеева. Он пришел в бешенство, когда получил известие, что по делу скрытого им восстания бурят подчиняется суду полковника Бухгольца. Первою проделкою его было не давать знать об этом Бухгольцу.

Преосвященный в июне спрашивал Бухгольца: *«скоро ли он начнет предписанное ему следствие?»* И получил ответ, что ему нет никакого на это приказа.

Оставляя Бухгольца в неведении по поводу этого дела, Плещеев принялся за свидетелей. Попытками принуждал он Гагаринова отказаться от своего доношения. Новокрещенных Аюшу и бабу Анну в застенке трижды кнутом пытал, чтобы и они от свидетельства своего отреклись. Но, когда достичь желаемого не удалось, тогда он Гагаринова заковал в ручные и ножные кандалы, наложил ему на шею цепи и в таком виде отослал в Тобольск, в Сибирскую Губернскую канцелярию. Для чего же? Чтобы проволочить, и проволочкою затемнить дело.

Затем Плещеев взялся за духовенство. Последним ставленником первого епископа Иркутского Иннокентия был Петр Скорняков, принявший от святителя сан диаконский, но не сподобившийся рукоположения во священники. Желая достигнуть последнего, он поехал в Тобольск, но, услышав в Иркутске о скором прибытии нового епископа, дождался его здесь и был рукоположен 8 июля 1733 года. По прибытии же своем в Читу он сделал донос на старика, читинского протопопа Маркиана, о нарушении чина церковного. Он писал, что Маркиан вместо одного раза четырехкратно прободает на проскомидии агнца, при принятии тела Христова вместе

сообщает и употребляет и заздравную о себе часть; мокрою губкою, когда вытрет потир по употреблению Святых Даров, отирает себя по голове и шее и т.д. Он попускает делать подобное и подведомственным ему лицам: городищенскому дьяку Федору Рябухе и пономарю Федору Стукову из Нерчинского собора.

По этому случаю в Читу был командирован на следствие илимский диакон, рукоположенный Преосвященным во священники, Алексей Семенович Шангин. После исследования доноса состоялся суд над Маркианом, который окончился внушением архипастыря – впредь непорядков не допускать. Странности протопопы были плодом простоты и невежества, поэтому дело кончили одним вразумлением. Но из-за того, что при этом следствии священник Скорняков кричал «слово и дело»* на нерчинского воеводу Деревнина и на некоторых других лиц, то это обстоятельство, относящееся к суду гражданскому, епископ предоставил Иркутской Провинциальной канцелярии.

Теперь за это дело ухватился Плещеев. Прежде всего, он вызвал священника Скорнякова. В угоду Плещеева этот лжебрат заявил в Провинциальную канцелярию, что протопоп Маркиан не отправлял некоторых царских молебнов и что он объявлял об этом как самому епископу Иннокентию, так и Шангину.

И потянулась из-за Байкала вереница скованных служителей Церкви: протопоп Маркиан, дьяк Федор Ребуха, пономарь Федор Стуков...

Узники предварительно представляемы были епископу Иннокентию, который собственноручно снимал с них оковы, а затем, благословивши, со стесненным сердцем, отправлял в Провинциальную канцелярию.

Плещеев потребовал в Провинциальную канцелярию священника Шангина со священником Соболевым. Первого епископ отослал в Канцелярию, в отношении второго сказал: «Довольно! В Канцелярии теперь из-за Байкала священник Авраамий Дмитриев, Даниил Иванович (Шергин), Петр Скорняков, протопоп Маркиан. Если еще вызвать Соболева, то

* Донос, заявление о важном преступлении. По этому возгласу хватали всякого и допрашивали.

край останется без священников». Преосвященный предоставил Канцелярии решить: через кого ей будет удобнее опросить священника на месте его жительства, не отлучая от прихода.

Чтобы больнее оскорбить Преосвященного и завязать дело, Плещеев потребовал ответа и от него самого, будто бы Преосвященный при отправлении Скорнякова в Канцелярию, научал, «как и что» отвечать там. В то же время присланы были солдаты за приказным надзирателем Алексеем Поповым. Преосвященный Попова не отпустил, а Плещееву задал вопрос: «Кто именно возвел клевету на архиерея?». «Открыть нельзя, дело секретное», - отвечал Плещеев.

30 сентября 1736 года в Иркутске было получено милосердное слово Императрицы, что за неслужение молебнов, если произошло оно не по злонамеренности, священников судить не в светских судах, а в епархиальных. Как кипятком обдало Плещеева, однако он дал Указу свое толкование. Протопопа Маркиана 10 сентября возвратил суду архиерея, остальных удерживал узниками.

Преосвященный после этого отписал Плещееву, что к следствию над протопопом необходим доноситель священник Скорняков и священник Шангин, на которого падает обвинение в утаивании доноса.

И вот как ответил на письмо архипастыря Плещеев 13 октября 1736 года: *«Священник Скорняков содержится в канцелярии по секретному делу сказывания за собою и за другими Дела Государева, а Шангин за сокрытие при следствии столь важного доноса, и потому до решения отпущены в Архиерейский приказ быть не могут, тем более, что о неслужении Маркианом молебнов с 10 октября 1735 по октябрь 1736 года не производилось никакого дознания по принятой Вашим Преосвященством привычке скрывать подобные государственные преступления. Потому что сами Вы, Ваше Преосвященство, на многие викториальные и торжественные дни Всенощных бдений, Литургий и поминовений по царственным особам в Соборной церкви не отправляете, несмотря на Именные Ее Императорского Величества повеления, и даже на персональную покорнейшую просьбу вице-губернатора. И таковым совершенным*

оставлением собора без служения Вашего, поставляется Провинциальная канцелярия в немалое опасение ответственности за Вас».

И ответ Преосвященного на это дерзкое письмо достоин памяти. Он поставил на вид Плещееву следующее: 1) если самый главный зачинщик дела протопоп Маркиан обращен в Архиерейский приказ к Духовному суду, то нет причин по тому же делу задерживать в Провинциальной канцелярии Скорнякова и тем более не причастного ни к какому делу священника Шангина, 2) что других подобных дел, будто бы оставляемых в Архиерейском приказе без внимания, нет, разве исключая якутских, исследовать которые еще в 1734 году назначался архимандрит Нафанаил, но был на целый год задержан в Иркутске самой же Провинциальной канцелярией по недоказанному оклеветанию, 3) провинциальная канцелярия очень неосновательно поставила самому архиерею в обязанность непременно отправлять все викториальные молебны и все панихиды по царственным особам, тогда как это предоставлено произволению архиерея, 4) что же касается до неотправления в Иркутской соборной церкви самим архиереем служения в высокочоржественные и другие подобные дни, то это бывает не всегда, и оттого, что архиерей по сие время не имеет в Иркутске ни дома, ни квартиры; потому не допускается быть в Иркутске за дальностью расстояния от Вознесенского монастыря, в котором имеет постоянное жительство, а также из - за распутицы и из - за трудной переправы через р.Ангару; а более всего боится приезжать в Иркутск из-за вице-губернатора, который не только не приносил ему, архиерею, просьбу о более частом посещении Иркутска, но, напротив, всегда встречал его бранью и руганью, а особенно напугал 21 мая 1736 года в доме Ивана Глазунова таким бесчестием, какого нигде никогда архиереям не бывало. Пусть же, заключил Преосвященный ответ свой, не беспокоится Провинциальная канцелярия никаким за меня опасением, ей до моих обязанностей дел нет, если потребуется ответ, то не от нее, а от меня. Она же пусть лучше подумает о том, что по указу 30 сентября всех нахватавших ей священнослужителей пора обратиться к суду архиерея, болезнующего о том, что многие церкви остаются по ее милости без службы и многие приходы

без исполнения христианских треб. Что безвинный священник Даниил Иванов уже три года томится в холодной башне по доносу попа Авраамия Дмитриева. Однако на Плещеева резоны эти не действовали.

Между тем, жители Нерчинска с воеводою Деревнинным умоляли епископа возвратить им протопопа Маркиана Григорьева, как во всем трезвенного, к покаянию наставника, в служении Богу поучительного, в христианских нуждах благопослушливого и неленного. В то же время и читинские прихожане просили возвратить Маркиана в Читу. Но что оставалось делать епископу Иннокентию? Отпустить Маркиана, необследованного по неслужению молебнов, - дело по тем временам страшное. К обследованию же отнята была всякая возможность.

Плещеев же, чтобы своему злонамеренному бездействию придать вид законности, донес об аресте духовных лиц в Сибирскую канцелярию, прося ее мнения, как поступать в таком деле и после этого в ожидании ответа почивал как на лаврах, лишь подсмеивался над всеми настояниями Преосвященного: «Донесено-де, ждите»!

Прошли октябрь, ноябрь и декабрь 1736 года и еще пройдет много месяцев без перемены положения узников, в отлучении их от мест служения, от семей, хотя и не будет уже вице-губернатора Плещеева. Так сумел он крепко затянуть узел.

Извещение епископа о злоупотреблениях иркутского вице-губернатора не остались в Сенате без внимания. Гагаринов, лишь только был привезен в Тобольск, немедленно отпущен был назад в распоряжение Бухгольца. Сему последнему вновь было предписано вести дело о бунте бурят законным порядком.

Бухголец приступил к делу, которое отозвалось новыми неприятностями для Преосвященного. Почему-то понадобился к следствию в Селенгинске учитель монгольского языка в Архиерейской школе лама Лапсан. Заменить его было некому, и Монгольская школа, основанная архимандритом Платковским, пришла к своему концу.

На место Плещеева в 1736 году был назначен вице-губернатором в Иркутскую провинцию статский советник

Алексей Юрьевич Бибилов, которого обязали не отправлять Плещеева из Иркутска, пока не кончится следствие. Но и тут Плещеев не вдруг решился выпустить из своих цепких рук Гагаринова, когда тот возвратился из Тобольска в Иркутск. С декабря 1736 года он держал его в застенках канцелярии, пока не услышал о скором приезде в Иркутск нового вице-губернатора.

Бибилов был далеко выше Плещеева и по уму, и по образованности. Между тем взаимные отношения между ним и Преосвященным являлись, к сожалению, с первых встреч не радующими. Сеятель раздора – Лебратовский, который был главной причиной всех прежних зол, оставался в прежнем неприкосновенном состоянии. Лебратовский нашел и у Бибилова такое же покровительство, которым пользовался у Сухарева и Плещеева. По мере того, как продолжалось безнаказанное его злоречие, рыгаемое на весь город против Преосвященного, росла его самонадеянность. Видел Владыка, что по делу восстания бурят «ворон ворону глаз не выклюет». Мучили тех, кого не надобно, а все, кто был поважнее, оставались без внимания.

На духовенство, томившееся в Провинциальной конторе по поводу прокличания одним из них «слова и дела» и на самого епископа Иннокентия взгляд нового вице-губернатора был таков же, как у старого, если еще не хуже. Плещеев, по крайней мере, протопопа Маркиана передал на суд Архиерейский, а Бибилов взял старика обратно к своему суду. Плещеев оставил на месте священника Соболева, Бибилов его вывез в Иркутск и держал скованным. У правителей провинции менялись имена, действия же оставались прежними.

Наконец, епископ Иннокентий получил распоряжение из конторы Тайных розыскных дел, чтобы находящихся под стражей священников Авраамия Дмитриева Белых и Даниила Иванова Шергина по именному указу от 15 апреля 1736 года освободить и препроводить их к епархиальному архиерею. Бибилов получил это предписание 26 августа 1737 года, но исполнять не торопился. 30 августа Нерунович отослал ему напоминание. И лишь 27 сентября 1737 года, протомив несчастных еще около месяца, Бибилов отослал их к епископу.

Даниила Шергина епископ определил в Кяхту, Авраамия же Белых отослал в Яндинскую слободу. Над последним, по

навету которого пять лет страдал Шергин, замечателен Суд Божий. Авраамий этот сошел с ума, начал называть себя Христом, царем, папой, патриархом, грозил, что всех будет судить, в том числе и епископа Иннокентия. Ко всему этому присовокуплял речь бранными непотребными выражениями. Преосвященный приказал в апреле 1739 года вызвать сумасброда в Иркутский Вознесенский монастырь. И с этой поры более о нем нет помина.

Преосвященный, посетив двукратно Забайкалье не далее Кяхты, а в 1735 году Якутск, думал ознакомиться со своей паствою и в других направлениях. В 1736 году хотел он последовать до Братска, но Плещеев не иначе соизволял выдать подорожную, как с оплатой двойных прогонов на 15 лошадей. Епископ не имел на это средств и отложил поездку. Таким же образом отказал ему в этой поездке и Бибиков в 1737 году. В этом же году Преосвященный хотел быть в Нерчинске - и опять прежнее препятствие. Наконец, весной 1738 году архипастырь решился, во что бы то ни стало, доехать до Нерчинска, чтобы обозреть край, посмотреть положение Нерчинского Успенского монастыря, управляемого строителем иеромонахом Иовом.

По возвращении из Нерчинска Преосвященного ждало известие. Пришел указ Синода к нему и одновременно к Бибикову. Указом предписывалось подвергнуть Лебратовского ответу за дерзновение - отнятие в Москве у Федора Жадовского 50 рублей 60 копеек лазаретных денег, посланных с ним из Иркутска для сдачи в Святейший Синод, Предписывалось также взыскание у него отнятых денег.

Епископ Иннокентий потребовал от Бибикова суда над хищником Лебратовским за кражу лазаретных денег. Потребовал раз, другой, но из Провинциальной канцелярии ответа не пришло. На исходе сентября того же 1738 года Владыка прислал иного содержания вопрос: за что содержатся в ней в узах более двух лет не только без решения, да и без всякого следствия протопоп Маркиан, священник Яков Соболев, Алексей Шангин и другие? Церкви остаются без служения, приходы без исправления христианских треб. Долго ли это будет? Бибиков упорно отмалчивался.

Преосвященный сообщил в Синод, что, сколько бы он ни писал об иркутских правителях, все на бумаге изложить невозможно, потому убедительно просит побывать в Петербурге для личных объяснений. На что отвечали ему решительным словом, что быть ему в Петербурге нет причин.

22 октября 1738 года Иркутск огласился грамотою Архипастыря. Ее опубликовали в церквях, списки с нее были прибиты к церковным входам. В грамоте, потрясшей город, было отлучение Лебратовского от Церкви.

Не знаем, как принял это отлучение Лебратовский, но вице-губернатор, хотя и вполонину, очнулся. У него и теперь не поднялась рука на Лебратовского. Но, по крайней мере, через три дня после объявления грамоты, Бибииков препроводил к архиерею протопопа Маркиана, иереев Шангина, Соболева Скорнякова, причетников Рябуху и Стукова.

Но с каким приговором! Какая неуважительность к седидам протоиерея и вообще к духовному сану. *«За разноречие двух священников Скорнякова и Шангина, вместо публичного наказания плетью, послать для служения на Камчатку за их младость, да и за то, что долговременно под караулом содержались. Также и протопопа за его старость и долгое под караулом содержание, учиня плетью наказание, сослать по Его Преосвященства рассуждению».*

Преосвященный отвечал лаконично: *«Ссылать на Камчатку не имею полномочия, а Канцелярию прошу впредь подобных дел так долго не проволочить».* Было это на исходе 1738 года.

Была переписка с Бибииковым и по такому случаю. Еще 17 ноября 1718 года на строящуюся Троице-Сергиевскую часовню (по прошению Федора Слотина с прихожанами)*, на ограду и на строящийся там же женский монастырь из приказной палаты отведены были в вечное владение земли. Но во время притеснений на епископа Иннокентия со стороны вице - губернатора Плещеева жители Иркутска Иван Попов, Агапит Фуфаев и Михаил Ушаков воспользовались неурядицею и захватили часть земли.

* Ныне Кресто-Воздвиженская церковь г.Иркутска

Наконец, в управление Бибикова его любимец и секретарь Провинциальной конторы Федор Анисимович Лапаков без всякого спросу поставил свою усадьбу на остальных церковных землях, огородил сколько ему было угодно пахотной земли, насеял разные хлеба и конопли, и водворился на чужой земле помещиком.

Преосвященный Иннокентий просил Бибикова о защите церковного достояния от наглых захватчиков, но тот только поглумился над заявлением архипастыря, а секретарь Лапаков имел дерзость явиться к епископу и бесчестить его такими словами, к каким только способен необразованный подьячий, чувствующий безнаказанность. Тем и кончилось дело о захвате земли, принадлежащей нынешней Кресто-Воздвиженской церкви, с того времени навсегда для нее же потерянной. Преосвященный доводил об этом захвате сведения до Синода, но из этого ничего не вышло.

Наконец, и в 1739 году Преосвященный делал попытку просить у Бибикова подвод для проезда до Братского острога и до Илимска для обозрения епархии и для обращения инородцев, однако получил прежний отказ; он повторил попытку в 1740 году, и вновь ему отказали. Да и в чем Преосвященному не отказывали?

26 июля прибыл в Иркутск сменить Бибикова Лоренц Ланг, бывший директор Пекинских караванов, памятный дерзкой расправой с архимандритом Антонием Платковским*.

Отрешенный от должности Бибиков не сразу был отпущен из Иркутска, потому что обязан был дать преемнику отчет о своем трехлетнем правлении. А о том, что его правлением не все были довольны, говорило множество жалоб на него.

Лишь Герасим Кириллович Лебратовский оставался как в заколдованном кругу, недостижимый никакими преследованиями, обвешанный якутскими соболями и осыпанный деньгами монастырей.

В феврале 1739 года отлученный от церкви Лебратовский был смертельно болен, но ни один священник не пошел его напутствовать. В мае жена Лебратовского разрешилась младен-

* См. следующую главу

цем женского пола. Епископ Иннокентий не дозволил не только родительнице дать очистительную молитву, но и окрестить младенца, несмотря на убедительные просьбы Бибикова. Так наболело на душе у архипастыря от козней Лебратовского.

В ответ Лебратовский посылает жалобу в Святейший Синод с приложением копии отлучительной грамоты. Вслед за этим епископ 12 апреля 1740 года получает из Синода указ, в котором говорится: *«Понеже из доношения Лебратовского и из приложенной копии таковых причин, по которым был бы он, Лебратовский, подлежателен анафеме, не видно, хотя бы к тому причины и были, однако же по силе Духовного регламента не представлены прежде Св. Синоду и не получая из оного указа, подвергать его анафеме не надлежало. А жене и детям онаго вход церковный разрешить и новорожденную дочь его священного крещения сподобить без всякого отлагательства»*. Вот когда Лебратовский восторжествовал! Он послал в Синод свои оправдания и собрался ехать в Петербург. Помех ему не было сделано.

К сожалению, мы не нашли ответа епископа Иннокентия Св. Синоду. Но из соображений последующей переписки видно, что Преосвященный причинами своей анафемы называл:

- 1) расхищение Лебратовским монастырских имений,
- 2) произношение на самого Его Преосвященство клевет и поношений, как самим Лебратовским, так и женой его,
- 3) поблажка Лебратовскому со стороны местных властей,
- 4) долговременное безмолвие Синода на донесения о злоупотреблениях Лебратовского.

В мае 1741 года Св.Синоду стало известно, что Лебратовский в Москве, но к Синодальному суду не является. Тогда предписано было Московской Синодального правления канцелярией, сыскав его, держать скованна под караулом, вплоть до указа.

Духовные миссии в Пекине

Сразу же по прибытии Неруновича в Иркутск ему представился выехавший из Пекина священник Иван Филимонов, бродивший по Иркутску под именем странника Хинского государства и много рассказавший епископу о порядках чужой страны.

Подобно первому епископу Иркутскому, второй епископ также интересовался событиями, происходящими в Китае, и был заинтересован в установлении дружеских отношений с Великим Соседом. Члены Русской Духовной Миссии в Китае в случае необходимости могли рассчитывать на помощь иркутского архиерея. И Св.Синод не раз обращался к епископу с просьбами разрешить те или иные проблемы Миссии. Их там накопилось немало.

Вторую Духовную Миссию в Китай возглавлял архимандрит Антоний Платковский, прибывший со священниками в Пекин в 1728 году. Туда же с караваном отправлен был караванный директор Лоренц Ланг. 2 ноября 1732 года последний передал слова китайского министра Алегамба к Лоренцу Лангу о том, что «ваш де Антоний живет непостоянно, пьянствует, режется с попами ножами так, что и говорить об этом стыдно». Этот незавидный отзыв об архимандрите Антонии Платковском через коллегия иностранных дел доведен был до Св.Синода.

В 1734 году Лоренц Ланг прибыл в Петербург с отчетом; его спросили о состоянии в Пекине Духовной Миссии. Не красочно описал ее Лоренц Ланг. К своей реляции он приложил подлинный журнал, веденный главой Миссии архимандритом Антонием Платковским. В журнале, обличавшем иеромонаха Лаврентия в нецеломудрии и в расходовании церковной казны, значилось еще, что иеродиакон Иоасаф ходил пьяный во дворец Богдыханский и министров перебил. И что его держали под караулом скованного целые сутки.

Первейший член Синода архиепископ Феофан 23 сентября 1734 года пригласил к себе Ланга и имел с ним беседу по делам Пекинской Миссии и о Платковском. Про Иоасафа Лоренц Ланг говорил, что слышал о его входе во дворец Богдыханский в

пьяном виде, но то, что он бил министров, - это выдумка Платковского. Напротив, Иоасаф пользовался у китайцев особой любовью. И только одно у него несчастье, что любит хмельные напитки.

Преосвященный Феофан на следующий день передал разговор в Синод и было определено: 1. Архимандрита Антония Платковского из Пекина взять в Россию возвратно и привести его в Петербург под арестом на его коште*, 2. Иеромонаха Лаврентия также из Пекина вызвать, 3. Иоасафа из Пекина не высылать, но оставить там по-прежнему. Если же пить не перестанет, то в России не только иеродиаконства, но и монашества будет лишен, и в гражданском суде жестоко истязаем будет. И в этом ему подписаться и ту расписку прислать в Синод.

Когда Ланц передал Платковскому Указ Синода, тот воскликнул: «Как может недоверок посылать ко мне указы?» и бросил пакет на землю. Платковского судили сначала в Пекине; суд при караване единогласно приговорил его к наказанию плетьюми. Лоренц Ланг утвердил приговор и исполнил его с такой жестокостью, что несчастный едва не умер под ударами. Потом его держали в тяжком заключении. Никто не мог ни посетить его, ни помочь ему. В столице состоялся новый суд. Ему вменили разграбление иркутских монастырей и то, что здание для монгольской школы в Вознесенском монастыре было скверно построено*. Платковский был лишен сана архимандрита и священства и отправлен простым иноком на смирение в Троице - Сергиеву Лавру. При Елизавете ему был возвращен сан архимандрита, а в 1744 году он был определен настоятелем Данилова монастыря г. Переяславля - Залесского. Скончался 15 июля 1746 года.

* Покровитель Платковского граф Савва Рагузинский, который отправил его в Китай вместо свт. Иннокентия Кульчицкого, помочь ему не мог.

* Антоний Платковский, будучи архимандритом Иркутского Вознесенского монастыря, с 1714 по 1727 год, до образования Иркутской епархии, неофициально исполнял обязанности иркутского викария.

Когда составлялось определение о высылке из Китая архимандрита Антония Платковского, решалось дело и другого подсудимого из Пекина, – иеромонаха Иллариона Трусова. Неизвестно в чем был заподозрен в Пекине Илларион. Не без участия Платковского он был вызван в Россию, а находящееся при нем имущество было конфисковано. Но в Синоде Илларион смог оправдаться. Более того, он стал тем избранным, которого с соизволения императрицы Анны Иоанновны назначили на место Платковского начальником Миссии. 9 сентября 1734 года последовал Высочайший указ, чтобы иеромонаха Иллариона Трусова произвести в архимандриты Преображенского Посольского монастыря Иркутской епархии, а затем оттуда отправить в Пекин.

Иркутскому Преосвященному было предписано в ноябре 1734 года: когда российский караван при Лоренце Ланге будет отправлен из Сибири в Пекин, тогда и архимандрита Иллариона туда отправить. Самому архимандриту было поставлено в обязанность, чтобы в Пекине находиться в зависимости от иркутского архиерея.

Архимандрит Илларион Трусов, как только прибыл в 1736 году в столицу Китая, показал всем безобразную жизнь. Члены Духовной миссии 7 июля 1740 года доносили в Синод, что архимандрит Трусов звания своего не хранит, забыв Страх Божий, находится в безвременном пьянстве, бродит по улицам пьяным, одевается иногда в китайское женское платье, в нем шатается по улицам. Казну Пекинской Николаевской церкви (серебро и золото, оклады с образов, серебряные блюдечки) променял тайным образом на деньги, которые употребил на свои расходы. До следующего суда, однако, Трусов не дожил. Когда 22 апреля 1741 года прибыл вместо Лоренца Ланга из Иркутска в Пекин новый караванный директор Иерофей Фирсов, то в живых Иллариона Трусова он уже не застал.

Синод в ответ на донесение архиерейского приказа из Иркутска в 1743 году указал киевскому архимандриту Рафаилу прислать в столицу достойных монахов для нового посольства в Китай. Были приглашены иеромонах Гервасий Линцевский, Киево-Софийского кафедрального монастыря иеродиаконы Иоиль Врублевский и Феодосий Сморжевский. Гервасий по

прибытии в Петербург был произведен в архимандриты, а иеродиаконов возвели в сан иеромонашеский. В этом же 1743 году монахи были отправлены Синодом в Пекин, с указанием Линцевскому относиться с рапортами и всякими недоразумениями к епископу иркутскому Иннокентию Неруновичу.

Заботы жителей Кяхты

Чрезвычайный посланник граф Савва Владиславович Рагузинский окончил в 1728 году переговоры с Пекином, определив главный пункт торговли между Россией и Китаем - на речке Кяхта. Он заложил там крепостцу и позаботился из своей походной церкви устроить здесь храм для насельников пограничного места.

Граф Савва попросил свт. Иннокентия (Кульчицкого) освятить этот храм во имя Пресвятыя Троицы и свт. Саввы Сербского. Он хотел, чтобы этот Троицко-Савский храм был приписан к Посольскому монастырю, чтобы отсюда присылать священнослужителей в Кяхту для отправления службы Божией. А на содержание церкви установить денежный сбор на проезжавших через таможенную заставу торговых и неторговых людей. Свт. Иннокентий благословил освятить эту церковь и для служения в ней направил из Посольского монастыря иеромонаха

Владиславович после этого выехал в Россию. Прошло время. Деньги в пользу храма на заставе собирались, но до храма не доходили. И монастырь Посольский не мог не тяготиться содержанием отданного на его опеку пограничного храма.

Между тем, купеческие люди, поселившиеся для торговли в Кяхтинском форпосте, как только прибыл в епархию епископ Иннокентий Нерунович, стали жаловаться ему на неудобство устройства Савской церкви в Троицкой крепостце, от которой Кяхтинский форпост, где живут они, в 4-х верстах. Потому де затруднительно для них, торгующего в Кяхте купечества, посещать Троицко-Савскую церковь для слушания Божественной Литургии. А что делать в случаях экстренных треб? И, заявив сие, кяхтинское купечество просило: или церковь из Троицкой крепостицы перенести в форпост и разрешить пристроить к ней придел во имя Успения Божией Матери, или дать благословение на постройку в форпосте новой церкви. Строение и содержание церкви, равно и содержание причта купечество брало на себя.

Преосвященный, в октябре 1733 года прибывший в епархию, в начале следующего года посетил Забайкалье, где доезжал до Селенгинска. Там мог посмотреть он на китайцев -

оригинальных соседей. В Кяхте тогда он не был, поэтому не мог решить просьбу купечества заочно. Почему же епископ не побывал в Кяхте?

Думаем, по затруднительности проезда от Селенгинска до Троицко-Савска. На следующий же год, когда устроили здесь почтовые станции, епископ Иннокентий не замедлил этим воспользоваться.

Однако, чтобы дать делу движение, предписал 24 июля 1734 года ехать в Кяхтинский форпост, привезенному с собой из Москвы, иеродиакону Феофилу, чтобы осмотреть в Троицкой крепостце церковь: на приличном ли месте построена, на сколько от большого жилья отстоит, бывает ли какой приход в казну и не бывает ли в церковных требах и в служении препятствий из-за дальности расстояния.

В 1735 году 15 февраля Преосвященный нашел возможность самому посетить Кяхту. Осмотрев местность, он изъявил полное согласие на сооружение особого храма в Торговой слободе близ Гостиного двора, предоставив купечеству прислать о том прошение по форме. А на обратном пути через Селенгинск просил коменданта Бухгольца, имевшего здесь со своим Якутским полком главную квартиру, одолжить на время Кяхтинскому форпосту полковую церковь, без которой военные люди, при двух церквях в Селенгинске, смогли бы обойтись.

Между тем, собрав частным образом сведения, что в пользу Троицко-Савской церкви, с основания ее, а именно с 1729 года, скопилось значительное число пошлинной суммы, епископ обратился к вице-губернатору Плещееву с вопросом: где эта сумма? Он просил выдать ее в Посольский монастырь на покрытие расходов по церкви пограничной. Плещеев в свою очередь потребовал справки от заведующего пошлинными сборами в Кяхте капитана Маремьянинова копию распоряжения на этот предмет графа Владиславича.

Маремьянинов представил вице-губернатору список с инструкцией Владиславича, а также объяснение, что сумма, собранная с проходивших через таможенную телегу, доходит до 245 рублей 63 копеек.

После всего этого Плещеев не настоял, а селенгинский комендант без повеления свыше не решился выдать эту сумму на церковные надобности. Таким образом, установление Саввы Владиславовича цели своей не достигло.

Такое открытое нарушение одного из самых главных условий, под которым Троицко-Савская церковь была приписана к Посольскому монастырю, вынудило епископа изменить прежние насчет церкви распоряжения своего предшественника.

Он сообщил Иркутской провинциальной канцелярии о том, что устроенная Троицко-Савская церковь, как не пользующаяся представленным ей 15 статьей инструкции графа Саввы Рагузинского содержанием, от Посольского монастыря отчисляется. Потому канцелярия обязана принять в свое ведение по реестру утварь, какая была выдана графской канцелярией в упомянутую церковь.

20 апреля того же 1735 года Преосвященный получил от комиссара Кяхтинского форпоста Ивана Рязанова ожидаемое прошение о построении в торговой слободе церкви с извещением, что на построение новой церкви купечество собрало между собой более 400 рублей и что сбор продолжается.

10 мая Преосвященный писал Синоду, что благоустройство церкви в пограничной Кяхтинской торговой слободе с постоянным пребыванием здесь священника необходимее, чем в Троицко - Савской крепостце, потому что слобода значительно населена купечеством и другими разными чинами, требующими безотлучного священника, тогда как в крепостце обретаются только солдатский караул с немногочисленным числом людей. Понеже она торговая форпостовская слобода самая пограничная, то могут иноверные китайцы здесь вящее склонение иметь к православию.

На все изложенное в рапорте своем Преосвященный просил указа Синода властям пограничным о выдаче Посольскому монастырю денег, собранных с проезжих телег, в пользу состоящей на его иждивении церкви Троицко-Савской.

Кяхтинское купечество не удовлетворилось церковью походною и настояло о дозволении строить церковь новую, неподвижную. Преосвященный медлил с разрешением, возможно, дожидаясь ответа из Синода. Когда же убедился, что и это

представление его, подобно многим прежним, оставлено без внимания, то решился действовать собственною властью.

Между тем, кяхтинское общество под руководством знаменитого деятеля на Кяхте Симона Ильича Свиньина изменило мысли относительно посвящения храма. Чтобы избежать слияния наименований Троицкого храма в крепостце и опять же Троицкого в Торговой слободе, они положили построить у себя храм во имя Воскресения Христова с приделами Успения Божьей Матери и во имя свт. Николая Чудотворца.

Это желание свое они изложили новой просьбой своей к Преосвященному и получили разрешение указом 1738 года февраля 6 дня. В следующем 1739 году церковное здание в Кяхте было готово. В 1740 году приготовили к освящению придел Никольский. Что же касается храма Воскресенского, то его отстроили через 7 лет от заложения. Симон Ильич Свиньин просил об его освящении 10 июня 1746 года, но, к огорчению кяхтинских прихожан, непредвиденные обстоятельства снова отдалили исполнение их желания года на четыре.

Жертвы Бирона в сибирской ссылке

17 мая 1738 года епископ Иннокентий был в Чите, а 20 июня достиг града Нерчинска, где встретились ему разные нравственные беспорядки. Там окрещенные буряты уклонялись в язычество, тут сын боярский бросил жену, связался в одном улусе с буряткой и прижил с ней детей. Но была еще одна цель у этой поездки - навестить горького узника-собрата, бывшего еще в живых Георгия Дашкова, и побеседовать с ним.

Георгий (в схиме Геден) Дашков – бывший член Синода и архиепископ Ростовский - был сторонником восстановления в России Патриаршества и противником Феофана Прокоповича. А за это в новой России не миловали. В 1730 году Дашкова лишили сана священника, сослали в Спасо-Каменный монастырь Вологодской епархии, а в 1735 году – в Нерчинский монастырь Иркутской епархии, *«дабы содержать его там до смерти неисходно под крепким караулом»*. Епископу Иннокентию строго вменялось наблюдать лично: так ли все относительно Дашкова в Нерчинском монастыре будет выполнено.

Протоиерей Стуков во время служения в Нерчинске собрал сведения об этом узнике. *«Роста он высокого, сгорблен, глаза глубокие, впалые, волосы от старости пожелтели, постоянно молчалив. Трое приставленных караульных ни на шаг от старца не отставали. В храме Божиим, когда Гедену, большей частью от слабости сидевшему на скамейке, выносили из алтаря просфору, строгие стражи разламывали ее, прежде тщательно осмотрев, не запечена ли в ней какая хартия»*.

Известно, что Геден посадил своими руками в монастырской ограде куст бузины, который разросся и близ которого упокоились его страдальческие останки. Куст не был истреблен временем, и жители Нерчинска часто, особенно при недугах, прибегали к нему как к верному средству исцеления.

Позднее, 25 ноября 1740 года, уже в Иркутске епископ

Иннокентий получил из Провинциальной канцелярии промеморию о другой жертве бироновского правления, а с нею строгий указ из Синода о немедленном пострижении в Иркутском Знаменском монастыре секретной особы, присланной в Иркутск в сопровождении лейб-гвардии Преображенского полка фурыера* Льва Чернышева.

Тогда была тревога в стенах мирной обители. Преклонная летами игуменья Акилина не знала, за что братья, старицы суетились. А в деревянной монастырской церкви начались приготовления к постригу. Наконец, явился из Вознесенского монастыря архимандрит Корнелий, за ним ввели в церковь юную отроковицу в сопровождении фурыера и неизвестной пожилой женщины. Корнелий приступил к обряду пострижения. На обычные вопросы об отречения от мира постригаемая оставалась безмолвною. Безмолвною ее одели в иноческую мантию, покрыли кукулем (платом), переименовали из Анны в Анисию.

Прошло несколько месяцев. 8 февраля 1741 года из Канцелярии тайных дел понеслись курьеры в Сибирь с письмами. Один из них вручил епископу Иннокентию указ следующего содержания: *«Повелено Артемия Волынского дочь Анну из ссылки свободить ... монашеский чин с нее снять и из Сибири отпустить»*.

Днем избавления несчастной было 3 апреля 1741 года. Юная монахиня Анисия вновь была переименована в Анну Артемьевну Волынскую и получила свободу. Также была освобождена из монастыря Енисейского ее сестра Мария, а из Селенгинского монастыря - брат Петр.

Впрочем, Иркутская Знаменская обитель хранила доказательство того, что Анна Артемьевна имела добрую память о монастыре. Из Петербурга прислала она в дар обители богато украшенное Напрестольное Евангелие.

В долговременное управление иркутской епархией епископом Иннокентием были две резкие перемены в тоне правительственных распоряжений относительно дел церковных.

* Фурыер - военнoслужаший младшего командного (унтер-офицерского) состава

Правление Бирона в царствование Анны Иоанновны налагало на Отечество язвы, особенно болезненные для духовенства. Елизавета же Петровна с принятием скипетра сразу же приступила к восстановлению прав и преимуществ Церкви и духовенства.

В 20 день по восшествии на престол 15 декабря 1741 года Елизавета составила манифест, разнесший радость по всей России, о сложении недоимок и штрафов и об отпущении впавших в преступления. В Иркутске получен он был 2 марта 1742 года. Велено было манифест этот читать по всей России во всех святых церквях в воскресные и праздничные дни в течение месяца.

Императрице стало известно, что в прежнее правление многие люди сосланы были в отдаленные места Сибири, и о них нет известий ни в Сенате, ни в Тайной Канцелярии. Поэтому дополнительным указом от 24 сентября 1742 года приказано было начать по всей империи поиски безвестных страдальцев, а найденных - прислать к месту пребывания Государыни с ведомостями (кто, как и по каким определениям был сослан).

Державное слово помилования нашло радостный отклик в Сибири. Не было уголка в ней, где бы вместе с виновными не страдали неповинные жертвы управления Бирона. В отдаленной Камчатке томились лейб-гвардии Семеновского полка прапорщик Алексей Шубин и русские вельможи князя Долгорукие (Алексей, Николай, Александр). Все были наказаны кнутом, а последние еще и урезанием языков.

Охотск стал острогом для сосланных сюда из разных епархий священников с женами и детьми. Св. Синод поспешил навести обо всех изгнанниках своего ведомства справки, вслед последовали один за другим указы о возвращении пострадавшим прежних достоинств и о возвращении их на свои прежние места с тем, однако же, чтобы не уезжали до тех пор, пока им не найдется замена. Несмотря на это, священники: сосланный из Березова Андрей Васильев, Новгородской епархии Онисим Абрамов и Алексинского уезда села Богучарово Михайло Трифионов - постарались поскорее выехать из лишнего земли,

воды и хлеба Охотска*. Первый отправился восвояси, а двое последних остались на служении в граде Якутске. Многие же страдальцы не дожили до этих дней.

Измученный кнутами, илимский протопоп Иоанн, тяжело пострадавший за неслужение Литургии в день тезоименитства императрицы Анны Иоанновны, умер, не пережив горя.

* Признавая за неотложный долг послать в Охотск священника, епископ вынужден был переместить в Охотск из Удского острога священника Иосифа Хмылева с тем, чтобы он, кроме Охотска, заведовал еще и всем западно-северным побережьем Охотского моря. Перемещение о.Иосифа последовало в 1743 году. В то время следовали через Якутск, где продолжал гостить Владыка, офицеры экспедиции Беринга, скончавшегося на необитаемом острове. Епископ обратил внимание на двух братьев: священников Филиппа и Михаила Волковых. Первого рукоположил в священники Богородско-Рождественской церкви близ Авачинской Губы, а второго определил к нему дьячком.

Общественные заслуги епископа Иннокентия

Когда правительство обратило внимание на трудности сношений с Сибирью из-за отсутствия регулярной почтовой связи, оно поручило командору Берингу во время следования его на Камчатку составить подробную ведомость, где и как на протяжении от Тобольской до Китайской границы и вплоть до Камчатки поставить почтовые станы.

В каждом из станов ставились 4 лошади, которых должны были содержать местные жители. На селенгинских обывателей к тому же, кроме своего стана, возлагалась обязанность содержать лошадей еще и на китайской границе. Селенгинская воеводская канцелярия, получив указ из Иркутского приказа об учреждении почт, на исходе 1734 года сообщила Селенгинскому Троицкому монастырю об учреждении стана и в его вотчине.

Столетнему настоятелю архимандриту Мисаилу и без того надоела уже наглость проезжавших через их местность казаков, курьеров и всякого рода рассыльных. Учреждение нового стана показалось ему новым посягательством на дела обители, и он ответил селенгинскому коменданту Бухгольцу: *«мы-де с игуменом Феодосием посланы при царе Федоре Алексеевиче с благословения Святейшего Патриарха Иоакима на Селенгу-реку монастырь строить да неверных призывать ко крещению, а не почтовые станы содержать»*.

На что Бухголец сообщил, что он не вправе отступить от предписаний высшего начальства. Мисаил тогда обратился с той же жалобой в Иркутскую провинциальную канцелярию, но когда и оттуда получил такой же ответ, стал искать защиты у Преосвященного.

Епископу Иннокентию показалось странным то, что без всякого предварительного с ним сношения светское начальство распорядилось на монастырскую вотчину наложить небывалую до сего времени повинность. Он спросил вице-губернатора Плещеева: на основании какого указа обязываются монастырские крестьяне гонять почту и развозить курьеров и офицеров?

Плещеев отвечал, что в апреле текущего 1734 года предписано из Сибирской (Тобольской) канцелярии учредить в

Иркутской провинции почтовые станы, содержать в них лошадей для государственных нужд и поставить верстные столбы всякими людьми, но, чтоб исключить из этой повинности монастырских крестьян, того в том указе не написано. А так как государевы и монастырские крестьяне все в положении выплаты подушных денег, в прочих сборах и в рекрутской повинности в равенстве, то и в настоящем случае они должны подчиняться общему положению. За неподчинение указу и за остановку в деле с ними будут поступать, как с нарушителями закона. Такой тон бумаги не мог понравиться Преосвященному, и он жаловался в Синод на очередное самоуправство местных властей.

В 1739 году, через четыре года после устройства за Байкалом почтовых станций, Государственная Адмиралтейская коллегия предписала Иркутской провинциальной канцелярии для провоза через Байкал курьеров, казенного провианта, разных припасов и купеческих товаров построить казенный бот в 40 футов.

Забайкальский комендант Бухгольц сыскал в Иркутске мастера Федора Козлова, которому поручил высмотреть и определить для постройки этого бота удобное место. Козлов донес, что, проезжая из Иркутска до Селенгинска, отыскал он годный к ботовому строению лиственничный лес в вотчине Посольского монастыря. А для построения бота отыскал удобное место в урочище Прорва в версте от Посольского монастыря.

Бухгольц немедленно дал в распоряжение Козлова 26 мастеровых солдат и для надзора за ними унтер-офицера, но предварительно просил разрешения Преосвященного, как на рубку леса, так и на занятие Прорвы для постройки бота. В то же время и Иркутская провинциальная канцелярия 6 февраля 1740 года со своей стороны просила епископа оказать общепольному делу содействие, чтобы плотникам и солдатам отведено было помещение в окрестностях Посольского монастыря.

Епископ Иннокентий по содержанию того и другого представления предписал наместнику монастыря иеромонаху

Виктору не только не препятствовать Козлову строить бот, но и давать приют мастеровым людям.

Не в одном этом, но и во всем, чем только можно служить благу народному, Преосвященный являл свою энергичную готовность, коль скоро требование делалось прилично, без оскорбления архипастырского достоинства.

В октябре 1734 года в Чечуйском остроге на р. Лена открылась злокачественная горячка: жители вымирали семьями, дома запустевали. Медиков в это время в Иркутске не было, кроме привезенного Преосвященным из Тобольска разжалованного подлекаря Черноградского. За него и ухватился Плещеев, попросив епископа послать лекаря в зараженную болезнями местность. Архипастырь не только изъявил полное на это согласие, но и вменил Черноградскому в обязанность трудиться в порученном деле совершенно бескорыстно.

В 1735 году прибыли в Иркутск причисленные ко вторичной Беринговой экспедиции профессора Академии наук Герард Фридрих Миллер и Иоанн Георгиевич Гмелин. Они затребовали от Иркутской Провинциальной канцелярии сведений о появлении в крае русских, о приеме их туземцами, о браках, о рождении и смертности, о возведении церквей, монастырей, казенных учреждений. Однако им Провинциальная канцелярия наотрез отказалась помочь, сославшись на неимение таких сведений.

Миллер обратился к Преосвященному. Епископ поставил Провинциальной канцелярии в вину ее явное уклонение от помощи труду ученых, так как большая часть просимых ими актов или собственно ей принадлежало, или были переданы ей в свое время епархиальным начальством.

Нерунович разрешил доставлять Миллеру в Архиерейский приказ указы, грамоты, метрики, росписи, учетные списки людей Духовного ведомства, а копировку тех документов, которых почему-либо нельзя было выдать подлинниками, возложил на дьячков и пономарей.

Результат распоряжений епископа Иннокентия виден в следующем ответном обращении к ученому товариществу:

«Промемория Архиерейского приказа Академии наук профессору Герарду Миллеру со товарищи. По получении первой промемории от Вас посланы были к монастырским настоятелям и заикам от Его Преосвященства указы, дабы означенные из всех мест, по требованию Вашему, ведомости присланы немедленно, но за дальностью путей вскоре оные были не присланы. И по тем указам в прошедших 736 и 737 годах в разных месяцах и числах присланы о строениях монастырей и церквей известия и грамоты. И господу профессору о приеме ведомостей и грамот о строении монастырей и церквей и о количестве новорожденных и умерших людей экстрактов и о присылке возвратно благоволите учинить, как Ее Императорского Величества указы повелевают. А в вышеописанных грамотах краткой ведомости и экстрактов имеется 226 листов. 1738 год июля 7 дня».* В приеме 226 листов дал квитанцию Герард Фридрих Миллер.

«Вечная Тебе память! Без Твоего прихода Клио Гиперборейская доныне перешептывалась бы с дьяком Есиповым** и сыном боярским Ремезовым***, потому что архивы наши сгорели, рукописные летописи редуют, а в обителях и в благородных сословиях не заметно ни Нестора, ни Болтина»,* - такую хвалу достопамятному Миллеру, первому писателю Сибирской истории, воздал Петр Андреевич Словцов, многоученный друг Сперанского. Причем хвалу нелестную, заслуженную! Но если бы Словцову довелось прочесть ответ Миллеру Иркутского Архиерейского приказа с препровождением 226 листов об истории Иркутской провинции и в то же время отказ Провинциальной канцелярии, тогда бы он прибавил: *«И Тебе вечная память, умный Иркутский архипастырь Иннокентий! Без твоего содействия не поживился бы Миллер ни одним листом от искавшего лишь своих выгод вице-губернатора Иркутского!»*

* Здесь экстракт - сжатое изложение документа

* Клио - муза истории в греческой мифологии

** Есипов Савва, составитель «Сибирской летописи» (1636 год).

*** Ремезов С.У., картограф, историк конца XVII - нач. XVIII века

О питейных заведениях

В деревнях был обычай к храмовым праздникам готовить кануны. Так называлась выварка в большом количестве пива, которое в день храмового праздника отпускалось мирянам за деньги. Вырученная сумма поступала в доход приходской церкви. Здесь-то некоторые церковные старосты среди общей попойки и нагревали себе руки. Преосвященный разослал указ, чтоб канунов не было. Но обычай был до того давний, до того укоренившийся в народе, что без кануна у них был и праздник не праздник. Запрет канунов возбудил всеобщий в деревнях ропот. Тогда Владыка решился искоренять это зло постепенно. Он попускал готовить кануны не иначе, как с предварительного всякий раз у себя спроса. Причем делалось указание старосте о том, чтобы деньги, вырученные за пиво, без ведома приходского священника не тратить.

Не мог не испытывать епископ печалей при виде обильного винопития своей паствы, не мог быть равнодушным, к примеру, при чтении донесения прихожан Кудинской церкви: *«Нужно бы священнику поставить дом, но поставить оный вблизи церкви негде, потому что в 15 саженьях от церкви, где бы прилично быть священническому дому, стоит кабак, и что это соседство кабака причиняет много вреда и соблазнов. Из церковного амбара под колокольню выкрадено в прошлом году 20 рублей денег да двухпудовый безмен, а выкрасть никто другой не мог, кроме подозрительных людей из кабака. Кроме этого, женам и девицам пройти в церковь к Вечерне, Утрени или к Обедне невозможно, т.к. с той кабацкой избы выходят люди пьяные, нагие срамно; и неистовые и скарденные речи из уст своих испускают, чего и слышать невозможно»*. Изложив это, прихожане просили защиты.

Не легче было Владыке получать жалобы и от иноческих обитателей, что откупщики окружили их кабаками. *«Где прежде не было ни одного питейного дома, - писал строитель Вознесенского монастыря, - там их посадский человек Иван Глазунов наставил десятками; отчего происходят драки и*

убийства, крестьянам же чинятся великие обиды и угнетения».

Архипастырь не молчал об этих разрушительных для нравственности паствы стремлениях откупщиков. Он просил местную канцелярию оградить обители и церкви от безобразной близости к ним питейных заведений. Но над его представлениями, как и над представлениями святого его предшественника, администрация местная лишь глумилась. Обратился он и к защите Синода. На сей раз, его жалоба приложилась ко многим другим от разных иерархов, и Владыка был насколько утешен указом Синода от 7 ноября 1743 года. ***«Приказали: где ныне кабаки при монастырях, а в городах и селах при церквях вблизи имеются, а в каком именно от монастырской ограды, а в городах и селах от церквей расстоянии, и давно ль построены, о том из всех епархий, справясь и освидетельствовав достоверно, прислать Св. Синоду обстоятельные ведомости».***

Но удивительно! По мере усиления желания Синода не допустить близости кабаков к святым храмам, не дремал и сеятель соблазнов. Преосвященный получил этот указ 13 марта 1744 года и приказал опубликовать его по епархии немедленно с требованием выполнить прописанные требования. А супостат? Мелким бесом прокрался он в Иркутский архиерейский приказ и запрятал Синодальный указ так далеко, что о существовании такого указа Иркутской Консистории стало известно только из синодального дубликата, полученного 11 марта уже 1748 года. Виновного в сокрытии первого указа не нашли.

Итак, где только воздвигался храм Божий, там рядом с ним строился и питейный дом. Это сатанинское правило наблюдалось и в Тунке у Саянских гор, и в Забайкалье, и при Кяхтинской Воскресенской церкви, и по Лене, и в Якутске. Что за намерение строить кабаки вблизи церкви? Очевидно, чтобы прихожанина соблазнить прежде, чем он войдет в церковь помолиться, и копейку, которую нес он на свечу, заполучить в питейную кассу; а если это не удалось, то при выходе из церкви отуманить неосторожного, чтобы у него из головы вышло вон все виденное, слышанное и прочувствованное в святилище Божиим.

В городе Иркутске подвал с горячим вином находился против самого алтаря Богоявленского собора. В Иркутской десятине, а именно в селениях Уриковском, Кудинском, Оецком, Куядском, Манзурском, Верхоленском, Бирюльском, Олонгском, Идинском, Заларинском, Бадайском, Китойском, Бельском и в Балаганском - 15 церквей и столько же кабаков на расстоянии от Домов Божиих на 130,115, 110,100, 60, 36,18,10 (Куда) и даже в двух (Куяда) саженьях. В городе Илимске Соборная церковь окружена винным подвалом и кабаком, в Илгинском остроге церковь одна, зато два кабака и два винных подвала.

Кто же был создателем таких заведений: евреи, татары, некрещеные буряты? Нет! Кабаки строились или по прямому указанию начальства, или частными откупщиками, носившими имя православных. В списке их красуются имена Саватеевых, Граниных, Бородиных, Фрышкиных, Глазуновых, Бичевинных, Щербаковых, Перетолчиных.

Духовное образование в епархии

В свое время указами Петра во многих епархиях были открыты специальные школы для подготовки духовенства. Такая школа в 1725 году была создана при Вознесенском монастыре стараниями архимандрита Антония Платковского. Она была задумана как школа переводчиков для обучения детей духовенства и сирот монгольскому и китайскому языкам, поэтому называлась «мунгальской». Школой для подготовки духовенства она стала в 1728 году после того, как первый епископ Иркутский Иннокентий существенно расширил ее программу.

Дальнейшее укрепление духовного образования связано с деятельностью епископа Иннокентия Неруновича. В 1735 году во время поездки в Якутск он основал в Спасском монастыре вторую в епархии духовную школу для подготовки священников из детей местного духовенства.

Не выпускал епископ Иннокентий из поля зрения и школу при Иркутском Вознесенском монастыре, число учеников которой достигло при нем 60 человек. По прибытии в епархию Владыка подтвердил распоряжение, чтобы все дети духовенства от 7 до 15 лет были приняты в школу. Кто из церковников не хотел отдавать детей в школу, тот или сам оставлял духовное звание, или платил штрафы. На содержание школьников взималось с каждого протоиерея и священника по 50 копеек, с дьякона по 30 копеек, с дьячка и пономаря по 10 копеек в год.

В 1737 году закрылась монгольская школа при Иркутском Вознесенском монастыре. Осталась только русская. Причиной было привлечение к следствию учителя монгольской школы бывшего ламы Лапсана. Архиерей жаловался Синоду, что хотя Лапсан плохой учитель, т.к. русского языка не знает, но все же заменить его некем.

Синод потребовал, чтобы Провинциальная канцелярия направила учителя в необходимую для края школу. Но требование это написано было для глухих.

Когда же епископ Иннокентий за Вознесенским монастырем в Жилкинской роще построил загородный дом, то туда же решил перенести и школу. При этом он неоднократно ставил

перед Синодом вопрос о введении в ее программу латинского и греческого языков и преобразовании в славяно-русско-латинскую школу.

На помощь этому стремлению подоспел Указ Св.Синода, основанный на повелении императрицы Анны Иоанновны, об открытии во всех епархиях семинарий для обучения детей духовенства латинскому, греческому и, возможно, еврейскому языкам; а также следующее обстоятельство: в 1740 году в Иркутск прибыл искусный в латинском языке ссыльный Павел Малиновский, воспитанник Киевской Духовной Академии, советник Синода, сосланный во времена Бирона на Камчатку, по делу архиепископа Феофиakta*.

Преосвященный обратился в Иркутскую провинциальную канцелярию с просьбой прислать ссыльного в его распоряжение. На сей раз канцелярия ему не отказала. В должности учителя Малиновский пробыл не более года. 16 августа 1741 года указом императрицы Елизаветы ему было возвращено прежнее достоинство. Известно, что, вернувшись из иркутской ссылки, Платон (Павел) Малиновский был поставлен во главе Русской Церкви, став архиепископом московским.

Но прежде, чем сей знаменитый наставник оставил Иркутскую семинарию, у Преосвященного Иннокентия был уже наготове другой замечательный учитель латинского языка Иаков Максимович, высланный навечно в Охотск так же, как Малиновский и выпрошенный у Иркутской канцелярии.

6 мая 1741 года этот несчастный поступил к епископу Иннокентию и учил детей до 8 января 1743 года, т.е. до дня, когда он получил свободу, прежний сан иеромонаха Киево-Печерского монастыря, прежнее иноческое имя Иакинфа и паспорт на выезд в Москву по Именному повелению.

Постоянного же учителя латинского языка епископ выписал из Тобольска. На сей вызов на исходе 1742 года явился некто Гаврило Ленский.

* Феофилакт (Лопатинский) - Тверский и Кашинский архиепископ, ректор славяно-латинских школ и духовный писатель, борец против протестантизма. Во времена Бирона был арестован, пытан на дыбе, лишен сана и помещен в Петропавловскую крепость

В семинарии также был учитель русского языка Федор Колесников, учитель пения иеродиакон Дометиан, префект иеромонах Гedeон Пелюшкевич. Обязанность приходорасходчика выполнял, вывезенный епископом Иннокентием в Сибирь, малоросс Егор Шерепа.

Чем же все это кончилось? В январе 1746 года епископ получил вызов в Петербург. Убедившись в неизменности этого вызова и, видимо, чувствуя, что назад в Иркутск он больше не вернется, Просвященный 20 марта 1746 года дал приказание, чтоб от учителя Гавриила Ленского никаких ведомостей об учениках впредь не требовать. Самого Ленского от должности учителя уволить и поместить в штат Консистории, а по епархии сообщить, чтобы причты на содержание школы денег с сего времени не присылали. Да и кому было теперь среди малограмотного духовенства поддержать столь важное начинание! Школа была до времени закрыта.

Вторая поездка в Якутск

Миновали времена Плещеева и Бибикова, не было и Лебратовского. Со стороны нового вице-губернатора Лорнеца Ланга препятствий к поездке Преосвященного в Якутск не было. Напротив, Ланг выдал ему 300 рублей, впоследствии возвращенные епископом в казну. Владыка оставлял Иркутск надолго.

Достойно сожаления, что Преосвященный обрел себе покой среди холодов глубокого севера в то время, когда Синод, после смерти Феофана Прокоповича, обратил свое внимание на Иркутскую епархию.

Еще ранее второго отъезда Преосвященного в Якутск, Синод предписал, чтобы епископ для успешности своих распоряжений, требующих содействия гражданских властей, соблюдал бы следующее: писал бы прежде в местную Провинциальную канцелярию, а если бы она по троекратному Его Преосвященства обращению ничего не сделала, то жаловался бы Сибирскому приказу в Москве, а если бы от Сибирского приказа не получил удовлетворения в течение года, тогда представил бы донесение Синоду с обозначением: когда и сколько раз по известному предмету от него было написано.

Спустя некоторое время указом от 6 февраля 1739 года у Преосвященного потребовали дополнительные сведения по представлению его 1735 г. об устройстве в Якутске богадельни для презрения бедных крещенных якутов. Тем давали знать, что и это его представление принято Синодом во внимание.

Затем указом от 22 января 1740 года извещали Преосвященного, что о нанесенных ему обидах от вице-губернатора Плещеева 21 мая 1736 года и прочих со стороны Провинциальной канцелярии притеснениях сообщено Синодом в Сенат с крепким настоянием оказать Его Преосвященству сатисфакцию, а также о возможности скорейшего построения в Иркутске Архиерейского дома.

Сии знаки внимания Синода к епископу Иннокентию Неруновичу, уже отчаявшемуся, застали его еще в Иркутске, прежде отбытия в Якутскую даль. После того Архиерейский

приказ имел приятную обязанность сообщить ему в Якутске другие распоряжения Св. Синода.

Указом от 3 декабря 1741 года сообщалось, что взятые епископом на якутский путь из Провинциальной Иркутской канцелярии 330 рублей 22 копейки зачтены в казенную дачу. Сверх того сообщалось в Сенат, чтобы и впредь, когда епископ захочет ехать для призыва в православную веру идолопоклонников, то были бы ему даны потребные подвозы и прогоны из Иркутской провинциальной канцелярии.

Затем указом от 22 мая 1742 года объявлялось, что Синод по согласованию с Сенатом назначил ему прибавку к жалованию 400 рублей в год да сверх прежней дачи 400 четвертей ржи и овса и 100 ведер горячего вина.

Но все эти запоздалые слова указов скользили по наболевшей от прежних огорчений душе Преосвященного, не производя глубоких впечатлений.

Вторичная поездка епископа в Якутск длилась с 26 мая 1741 года по 10 октября 1743 года. По преданию, большую часть этого времени Преосвященный проводил в каком-то якутском кочевье на р. Виллюе, где до сих пор, говорят, видны остатки его храмины. Руководство епархией в это время имело двоякий вид. Дела меньшей важности производил и оканчивал в Иркутске Архиерейский приказ, помещавшийся в Вознесенском монастыре, а те, которые требовали собственно архиерейского разрешения, отсылались на рассмотрение Преосвященному. К сим последним относилось освящение церквей.

Понятно, что заочный со стороны Архипастыря образ управления замедлил течение епархиальных дел. Не без ропота воспринималось отсутствие Владыки со стороны частных просителей. Не менее того обременены были монастырские крестьяне (мальтинские, китойские, бадайские и др.), которых обязывали доставлять на своих лошадях большие хлебные запасы за 6 тыс. пудов от Иркутска на Качугскую пристань и оттуда сплавлять рекой Леною в Якутск, откуда служители тамошнего монастыря должны были препровождать нужное для епископа на Виллюй.

Довольный житием своим на Вилное, епископ не очень торопился с выездом оттуда. Приказ, желая скорее вызвать его в Иркутск, сообщал, что хозяйство дома Его Преосвященства расстраивается из-за Его отсутствия. Тогда Владыка велел уволить от занятий по Приказу одного из членов - иеродиакона Никона Красовского и поручил ему усилить надзор за хозяйством. Когда же епископу донесли, что начальствующий в Приказе архимандрит Корнелий 8 сентября 1742 года скончался, тогда он предписал иеродиакону Никону вновь принять на себя обязанности члена Архиерейского приказа.

Словом, Владыка оставался в своем уединении на берегах Лены и Вилюя до тех пор, пока местные жители не стали гласно выражать перед ним, что присутствием его тяготеются. Наконец, к осени 1743 года Иркутск увидел своего архипастыря.

Не видно, чтобы о вторичной своей поездке в Якутск епископ Иннокентий представил отчет Синоду. Бывший при нем копиист Григорий Шастин 10 октября 1743 года словесно объявил Архиерейскому приказу, что у него в ящике имелись на хранении, производимые дела в Якутске: ставленные грамоты, собираемые с новопроизводимых священников, и другие бумаги, а также пошлинные деньги, которых после расходов у него оставалось 20 рублей 60 копеек; и что он словесно докладывал епископу, куда оные дела и деньги повелеть отдать, и получил приказание сдать их в Архиерейский приказ.

Из этих денежных отчетов видно, что 14 июня 1741 года Владыка освящал церковь во имя Илии Пророка в д.Марковской. Сына священника той церкви Василия Иванова - Митрофана Косыгина - определил при ней пономарем. 22 июня в Киренском остроге епископ освящал престол во имя Нерукотворного Спаса. В Якутск Преосвященный прибыл 5 августа.

12 августа было дано разрешение священникам Якутской Никольской церкви Григорию Васильеву и Иоанну Оконешникову и церковному старосте Федору Истомину строить при той церкви вновь холодный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери с приделом.

Того же числа был дан указ якутскому сыну боярскому Дмитрию Канаеву и отставному служивому Луке Санникову с товарищами о строении в Верхневилуйском остроге Якутского

ведомства церкви во имя Николая Чудотворца. В церковь эту 22 августа был назначен новорукоположенный священник Григорий Чупров.

25 августа дан указ Якутского полка капитану Адриану Греченину (давний наш знакомый) о строении при Жигановских зимовьях часовни во имя Николая Чудотворца.

28 августа было указано священнику Илии Прохорову, сосланному в Охотск из Березова, быть священником в команде Камчатской экспедиции Беринга. Священника из того же города Березова Артемия Васильева и рукоположенного священника Михаила Сивцева (из казенных детей) епископ направил в два камчадалских острога.

28 августа 1742 года издан указ священнику Григорию Чупрову с прихожанами об освящении Верхневилуйской церкви со священником Иоанном Оконешниковым.

10 декабря 1742 года подписан указ о построении вновь церкви Преображения Господня в Амгинской слободе Якутского же ведомства.

16 мая 1743 года было приказано протопопу Андрею Тарлыкову об освящении церкви Знамения Пресвятой Богородицы в Якутском Спасском монастыре.

29 июня 1743 год подписан указ Ивану Оконешникову об освящении новопостроенной в Якутске церкви во имя Иоанна Предтечи.

Сколько отчет Шастина ни краток и ни односторонен, нельзя не видеть из него пользы для Якутского края и в этом посещении его епископом Иннокентием.

Не напрасно покупал Владыка, в бытность его в тех краях, в значительном количестве шейные кресты и гайтаны*. Сие покупалось для немалого числа крещенных...

Кроме снабжения Охотска и Камчатки священниками Преосвященный Иннокентий обратил внимание и на глубокий север. Построение в Жиганах часовни, освящение в Колымских зимовьях церкви и возведение в один год церкви в Верхневилуйском остроге; а особенно изыскание и определение во все три отдаленных места священников – события прискладные.

* Гайтан-шнурок, на котором носят нательный крест.

Но всего важнее для заброшенных среди тундр и снегов под 70 градусами северной широты мест то, что епископ навел правительство на мысль, что в этих холодных пустынях, как ранее в Камчатке и Анадырске, церкви и причты требуют и ожидают единой помощи от казны.

Церковь в Верхневиллюйске была выстроена в бытность там Преосвященного в 1742 году и, без сомнения, под личным его наблюдением, что и могло удерживать Преосвященного в Виллюйске долгое время. А из этого родились разные о его привязанности к Виллюйску толки.

Выстроенная и освященная Верхневиллюйская церковь, снабженная священником Григорием Чупровым, содержалась сначала средствами прихожан, затем в будущем, по ходатайству Преосвященного, она всем была обеспечена из казны. Заслуга со стороны Владыки великая, тем более что за этим последовали такие же благотворные распоряжения в отношении Колымской церкви и других церквей по побережью Ледовитого океана.

Ему в этом помог капитан флота Дмитрий Лаптев, вернувшийся из экспедиции Беринга в Петербург с донесением для Адмирал – коллегии. Обязанностью его было сделать опись от Якутска до Северного моря и далее на Камчатку и положить те местности на карту. Опись производил он от Якутска рекою Леною по берегу Северного моря до Восточного океана на протяжении 5 тысяч верст. Он доносил, что по р. Лене, Яне, Индигирке, Колыме и Анадыре живут в острогах и зимовьях заходящие русские люди с давних лет, а подле тех же берегов в лесах кочуют якуты, тунгусы, юкагиры, коряки, и все они в ясаке и в подданстве Ее Императорского Величества, кроме одного Чукотского Носа. Многие из этих народов в нынешние года с женами и детьми крестились, и еще многие готовы креститься. Но во всех тех краях только одна церковь на р. Индигирке при Зашиверском остроге; тогда как подлежит по р. Лене в Жиганах, при р. Сиктике, Яне и Анадыре быть по одной церкви и двум на Колыме. При этом правительство должно обеспечить церкви всеми относящимся к богослужению потребностями, служителей же церквей - всем необходимым. Без таковых условий жить там будет невозможно. «А тогда бы тот языческий народ был бы более просвещен и к доброму

наставлен. Это несомненная выгода государству Российскому и русским людям, живущим в тех краях», - заключил свои наблюдения Лаптев.

Адмирал-Коллегия наблюдения Лаптева передала в Синод, и 21 апреля 1744 года из Синода последовал епископу Иннокентию указ с требованием от него сведений: в котором году, по какому указу или прошению построена была при Зашиверском остроге церковь, сколько при ней священнослужителей, на каком они содержании, ровно как и сама церковь, откуда получают церковные потребности: воск, ладан, вино, пшеницу - и в каком количестве, сколько при этой церкви утвари и книг, сколько в приходе русских и новокрещенных обоего пола, сколько верных в Жиганске, при р. Сиктике, Яне и Колыме, где признаются нужными новые церкви и по сколько будет христиан на каждый приход.

Для разрешения всех этих вопросов Преосвященному предписывалось сделать сношения с Лангом, иркутским вице-губернатором, которому был послан из Синода особый указ, а также с якутским воеводою.

После возвращения из Якутска

Вице-губернатор Лоренц Ланг не позволял себе, подобно Сухареву, Плещееву и Бибикову, грубых выходок против епископа, однако и не препятствовал другим испытывать его терпение.

Возникали, к примеру, дела о задержании на таможенных табуках, который в немалом количестве требовал себе в Якутске Преосвященный для подарков новокрещенным. Или о конфискации слюды, закупленной им в Вилюйске для своих и церковных надобностей, т.к. в Иркутске не только в частных домах, но и в самих храмах употреблялись слюдяные оконца за недостатком стекол, а иногда и по предпочтению слюды стеклу. Дела эти не оканчивались ничем, однако же, смущали Преосвященного.

Первыми неотложными распоряжениями епископа после возвращения в Иркутск были указы о пополнении вакантных мест. В 1744 году скончалась в возрасте 78 лет игуменья Акилина, первая настоятельница Иркутского Знаменского монастыря, возведенная в этот сан, надо думать, или епископом Варлаамом (Косовским), или свт. Филофеем (Лещинским). При свт. Иннокентии (Кульчицком) она уже была в сане игуменьи. Умершую игуменью епископ заменил наместницей монастыря Агафьей Лосевой.

По возвращении своем из Якутска Преосвященный опять заключился в своем уединении в Жилкинском загородном доме. Хозяйство, усиленное в отсутствии его иеродиаконом Никоном Красовским через прикупку у иркутского служивого Кондрата Новгородова заимки на р. Китой, составляло не последний предмет занятий Владыки.

Дела Епархиальные большей частью лежали на Архирейском приказе, который из-за смерти архимандрита Корнелия состоял из одного члена - иеромонаха Венедикта. В конце года Венедикт был отправлен в Якутск настоятелем в тамошний Спасский монастырь, и его заменил иеромонах Ипполит.

По возвращении из Якутска Преосвященный настолько ослабел, что 1 мая 1744 года издал приказ, дабы никто не утруждал его никакими доношениями, кроме дел самых нужней-

ших. После этого должен был произойти в делах управления епархией окончательный застой.

Указом Синода от 9 июля 1744 года предписано было ***«во всех епархиях, в домах архиерейских, в которых духовные дела отправляются, различно донные именуемыми, именоваться Консисториями»***. Иркутский Архиерейский приказ, переименованный в Консисторию, стал несколько более деятельным. Иеромонах Ипполит Безносов в одном лице совмещал всех членов Архиерейского приказа. Но сосланный сюда из Ниловой пустыни Ржевского уезда при императрице Анне и помилованный манифестом Елизаветы в июле 1744 года, иеромонах Ипполит из Иркутска уехал в довершение пустоты приказа. И последняя опора Преосвященного - иеродиакон Никон - был у него отнят. Куда же делся иеродиакон Никон?

14 октября 1743 года в Иркутск прибыла Духовная миссия в Китай. Состояла она из архимандрита Гervasия, иеромонахов Иоиля и Феодосия и церковника Алексея Смольницкого. Однако тамошним пограничным управителем ханом Тушету Миссия в Китай в 1744 году пропущена не была. Архимандрит уведомил об этом Синод, а Синод - Коллегию иностранных дел. Коллегия предписала: ***«Вновь определенному при отправляемом в Китай караване директору взять с собой архимандрита со священником и причетниками»***. Кто же был этот директор? Герасим Кириллович Лебратовский*.

* Миссия должна была дожидаться до 25 августа 1745 года «казённого каравана», без которого китайцы не пропускали миссионеров в свои владения. С этим караваном миссия прибыла в Пекин 27 ноября 1745 года. Много неприятностей пришлось Гervasию вытерпеть в Китае от соотечественников. Директор каравана Лебратовский ещё на пути в Китай «неведомо с какой злобы зачал употреблять способы к его бесчестью» и снабдил его такими служителями, что архимандриту приходилось самому «верблюдов запрягать». В Пекине, по словам Гervasия, Лебратовский делал ему всевозможные «продерзости, насильства и бесчинства», даже караванные служители по приказу директора избили Гervasия и преданного ему иеродиакона Никона так, что архимандрит «долго после того болел». Лебратовский, «обольщая подарками», вооружил против Гervasия учёных киевлян иеромонахов Иоиля Врублевского и Феодосия Сморгжевского, а иеродиакона Никона выслал в Россию. «Новокрещенных же, хотя и есть немало, — писал Гervasий, — но токмо от них прямых христиан двое, которые в церковь и ко мне ходят и по-русскому говорят, я же их и Закону Божию обучаю, а другие крещенные ни в церковь, ни ко мне не являются». Миссия Гervasия осталась безрезультатной. 4 июня 1755 года Гervasию удалось выехать из Пекина.

Выше много говорилось о Герасиме Лебратовском и о том, что по делу о разграблении им монастырей Лебратовский был арестован и предан суду. Но, к сожалению, он владел волшебным рычагом, который поворачивал дела, как и куда угодно. Рычагом этим были деньги разоренных им монастырей. Мы знаем, как велики были полномочия русского агента в Китае, даже над русской Православной Миссией. Ему давалось право нещадно наказывать членов Миссии. Можно представить, как могло взволновать Преосвященного Иннокентия известие о возвышении Лебратовского. Этого служку облекли огромным, чрезвычайным доверием, назначили полномочным представителем между двумя великими народами.

В январе 1745 года Лебратовский приехал в Иркутск с караваном и потребовал в начале марта для бытия при караване иеромонаха Вознесенского монастыря Тихона и, будто бы для исправления икон в строящейся Пекинской церкви, искусного в живописи Никона Красовского.

Епископ не нашел основания отказать Лебратовскому*. Тот же иеромонаха Тихона вскоре возвратил в Вознесенский монастырь, а Никона повез в Пекин. Неизвестно, что произошло между ними, но только в октябре того же 1745 года Лебратовский уведомил Архиерейский приказ, что иеродиакон Никон послан им в Москву в Сибирский приказ по некоему важному делу.

В 20-х числах июня 1744 года из Архиерейского дома с Жилкинской заимки исчез монах Феофилакт, состоявший в числе братства при домовой церкви. Недолго пришлось гадать об исчезновении Феофилакta.

Провинциальная канцелярия изумила епископа своим требованием о даче монаху Феофилакту пашпорту для пропуска его в Св.Синод, куда он направился для доноса на епископа Иннокентия. Остановить ябедника было поздно, потому что его

** «В январе месяце 1745 года прибыл... Герасим Лебратовский, который был у Преосвященного Иннокентия под проклятием. Его, Лебратовского, Преосвященный простил. И о том по приказу его в Соборной церкви указом публично объявлено, а в апреле месяце он, Лебратовский, отбыл за Байкал-море» (Из «Летописи города Иркутска»).

увез и без документа камергер Жеребцов. Каким образом вельможа и монах сошлись? В том-то и было умение хитрого вице-губернатора Лоренц Ланга, который один мог устроить такие козни. Жеребцов привез Феофилакта в Тобольск.

Митрополит Тобольский Антоний (Нарожницкий) обратил внимание на «безпаспортного» чернеца. Но, вместо того, чтобы выслать его обратно в Иркутск как беглого, он, в свою очередь, потребовал от Иркутской канцелярии паспорт для дальнейшего следования Феофилакта.

Разумеется, митрополит не получил требуемого. Тогда он не поскупился снабдить доносчика из своей казны 130 рублями за счет епископа Иркутского и препроводил Феофилакта в г. Санкт-Петербург.

Эта высылка в Москву одного из близких к Владыке людей, под караулом, в соединении с поездкой туда же с доносом Феофилакта Путилова окончательно убила здоровье епископа Иннокентия. Он видел, что над его головой собираются тучи*, и не мог не предчувствовать, что скоро разразится гроза. Тогда же послал он в Петербург своего

* «Иркутские власти настойчиво искали возможность избавиться от принципиального епископа. В этом их интересы совпали с интересами части духовенства». «Духовный регламент требовал полной комплектации монастырских штатов. Чтобы как-то решить эту проблему, Иннокентий решился на крайнюю меру. В 1737 году он отрешил от своих приходов всех вдовых попов, дьяконов и других представителей белого духовенства и постриг их в монахи (всего 98 человек). К этой практике, по мере надобности, епископ прибегал и впоследствии. В частности, в 1743 году он заставил принять постриг вернувшегося из Китая священника Ивана Филимонова. Столь решительные меры были неоднозначно восприняты в среде иркутского духовенства и настроили часть его против епископа». «Недоброжелателям удалось организовать «дело о взятке». Герасим Лебратовский обвинил Иннокентия Неруновича в том, что тот продал за 70 рублей место ключаря в Кафедральном соборе. ... Синод вызвал Иннокентия в Петербург для дачи показаний». (Из книги О.Е.Наумовой «Иркутская епархия. 18-первая половина 19 века», ИГТУ, 1996, стр. 45, 50)

келейника малоросса Егора Шерепа и, по обычаям того времени, не без гостинцев.

В ночь на 10 января 1746 года Преосвященный был разбужен нарочным из столицы солдатом лейб-гвардии Преображенского полка Иваном Шляхтинным, который привез два синодальных указа епископу Иннокентию, требующих от него немедленно приехать в С-Петербург.

Епископ Иннокентий при получении приказа послал в Синод отзыв о невозможности ехать в Петербург по нездоровью своему и по неимению в настоящее время тех причин, каковые прежде вынуждали его проситься в столицу для личного объяснения. Ответ Синода, пущенный 20 марта 1746 года, не замедлил сказаться. Уже 18 июня 1746 года епископ его получил. *«Ехать в Петербург неотменно, без всяких оговорок, с надлежащим поспешением, на своем коште*». А для съезду Вашего Преосвященства до Енисейска от Иркутской провинции и от Енисейска до Тобольска от Провинциальной Енисейской канцелярии дать Вашему Преосвященству приличное казенное судно с судовыми припасами».*

С Преосвященным должна была следовать архиерейская ризница. В путь также назначались из Вознесенского монастыря иеромонах Самуил Шергин, иеродиакон Вениамин Скорняков и, служивший у епископа при келье, сын священника Китойской церкви Николай Григорьевич Громов.

В протоколе Иркутской Духовной консистории записано, что, несмотря на болезненное свое состояние, епископ выехал из Иркутска 22 или 23 августа 1746 года.

С 22 августа пошли распоряжения архипастыря по случаю его отсутствия. Архимандриту Нафанаилу*, не уволенному с управления Селенгинским монастырем, предоставлено был было управление и Вознесенской обителью, а также велено

* Кошт (нем.) — иждивение, содержание.

* Епископ Иннокентий переместил архимандрита Нафанаила указом 1738 года из Якутска в Селенгинск, исполняя требование Синода отправить управителем в Селенгинский монастырь наиболее достойного.

было быть наместником в Консистории. В помощь ему был определен соборный ключарь Алексей Шангин.

Обзор управления Иркутской епархией епископа Иннокентия

Если считать со дня рукоположения в епископы, то Иннокентий Нерунович управлял иркутскою паствою 14 лет и 8 месяцев, а со дня прибытия в Иркутск - 13 лет и 9 месяцев. К несчастью, прямой и пылкий характер Преосвященного встретился с низкою и коварною личностью служителя Иркутского архиерейского дома Герасима Лебратовского.

Личность мелкая, ничтожная сама по себе, но успевшая между кончиною свт. Иннокентия Кульчицкого и прибытием нового епископа ограбить иркутские монастыри и запастись якутскими соболями и лисицами. Благодаря этому, Герасим Лебратовский, был взят под покровительство всех иркутских градоправителей, современных епископу, и таким образом сыграл для второго епископа Иркутского роль злого рока, преследовавшего его до конца жизни.

Борьба с Лебратовским обратилась в постоянное столкновение с вице-губернаторами, которые, защищая пакостника, позволяли даже оскорблять архиерея ругательствами. Между тем, Св.Синод долго не оказывал обижаемому никакой защиты. Какого бы после этого, казалось, ожидать плода для епархии, когда у епархиального начальника были связаны руки, расстроены мысли, изнемогали и ранее не крепкие силы. Но здесь - то в немощах и совершалась Божия Сила. Сколь много доброго сделал епископ Иннокентий второй для Иркутской епархии, перечислим в кратком обзоре его управления.

Церкви

По мере того, как раздвигались пределы иркутской епархии, через прибавление к ней от епархии Тобольской местностей по рекам Ангаре, Илим, Лене и по бережьям Ледовитого и Охотского морей до берегов Тихого океана; по мере того, как увеличилось число сибирских христиан из состава вольных и невольных переселенцев из России и новообращенных из язычников, важнейшим делом становилось

возведение новых церквей. Много ли сделал в удовлетворение сей духовной потребности епископ Иннокентий Нерунович?

Он был одним из первых, изведавших новый сухопутный путь от Красноярска до Иркутска, и не мог не поболеть сердцем, что на всем протяжении от северо-запада своей епархии до Иркутского Вознесенского монастыря не встретил он ни одного храма, ни часовенки, кроме стоявшего в стороне храма Барлукского*, да близ Иркутска, также в стороне, храма Китайского. Между тем, на новооткрытом Московском тракте возникали селения, лучшим из которых было Тулуновское на р. Ие

Между тем, Илимского воеводства Тулуновской деревни жители просили построить своим иждивением церковь во имя святого пророка Илии. 19 декабря 1734 года Преосвященный дал грамоту на строение церкви на имя выборного Ивана Распопина.

Новые церкви в Восточной Сибири устраивались десятилетиями. Только 30 декабря 1740 года донесли епископу, что церковь готова к освящению, и того же числа был дан указ Строителю Братской пустыни иеромонаху Илариону освятить в Тулуне храм, но не во имя пророка Илии, а в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Причины переименования нам не открыты. Известно, что первым священником Покровской церкви был Ефим, сын Бурлуцкого священника Флора.

Построенная церковь, как состоявшая в Илимском воеводстве, причислена была по заказу (благочинию) Луки Афанасьева, Илгинского священника. Колокольни с колоколом в Тулуне не было, а приходских средств на ее устройство не доставало, поэтому в апреле 1748 года на имя выборного Федора Горяинова была дана от Консистории сборная книга на колокол для окончательного устройства Покровской церкви.

Между тем, и Бурлукская церковь была скоро исправлена прихожанами; тесная и от времени сгнившая Усть-Удинская церковь заменена новою во имя Богоявления Господня с преде-

* Церковь в Барлукской слободе была построена в 1719 году по указу митрополита Тобольского Филофея Лещинского во время его посещения Иркутска. Церковь эта замечательна тем, что была единственной в сер. 18 века на всем протяжении возникшего тогда сухопутного тракта от Иркутска до Красноярска.

лом во имя св. Параскевы Пятницы. Орлингская церковь также была заменена новой и по грамоте Преосвященного от 16 июня 1731 года, посланной на имя Орлингского священника Михаила Игнатьева и старосты Ивана Томшина, освящена заказщиком (благочинным) Лукою Афанасьевым при диаконе Киренского монастыря Иване Иванове. Старая Орлингская церковь была разобрана, бревна употреблены были на отопление нового храма, а иконы уступлены за цену во вновь строящуюся Марковскую церковь.

К Кежемской часовне прирубили алтарь, который, по данной 8 сентября 1736 года грамоте, освятили как церковь во имя свт. Николая. Освящение церкви предоставлялось священнику, который заведовал Братской церковью, Никифору Иванову Мисорину с дяконом Иркутской Прокопьевской церкви Онисифором Бобровниковым. Но исполнение этого указа почему-то не состоялось. Лишь 5 июня 1737 года был дан второй указ об освящении церкви большеокинскому священнику Стефану Шергину с иеродиакonom Дометианом и о заведении самим приходом ему же, Шергину.

А так как при этой часовне, числившейся в росписях Тобольской епархии церковью, не было даже колокола, то епископ Иннокентий дал позволение сделать на этот предмет сбор по епархии. Такая же мера заведения колокола была дозволена и в Большеокинской церкви.

При открытии Иркутской епархии 15 декабря 1727 года в заведывание первого Иркутского епископа свт. Иннокентия Кульчицкого находились следующие Иркутские церкви: 1. Соборная Спасская, 2. Соборная Богоявленская, 3. Устюжских чудотворцев Прокопия и Иоанна, 4. Троицкая Духовская, 5. Троицкая Сергиева (Крестовская), 6. Одигитриевская, 7. Владимирская. В иркутском дистрикте: 8. Идинская Троицкая, 9. Балаганская Спасская, 10. Бельская Сретенская, 11. Кудинская Троицкая, 12. Оецкая Афанасия и Кирилла, 13. Бадайская Николаевская, 14. Олонская Благовещенская, 15. Усольская Спасская, 16. Уриковская Спасская, 17. Китойская Христо-

рождественская, 18. Вверх-Иркутская Введенская, 19. Верховенская Воскресенская, 20. Ангинская Ильинская, 21. Бирюльская Покровская, 22. Манзурская Введенская. За Байкалом: 23. Баргузинская Преображенская, 24. Селенгинская Покровская, 25. Селенгинская Спасская, 26. Удинская Спасская, 27. Удинская Владимирская, 28. Ильинская Богоявленская, 29. Кабанская Христорождественская, 30. Итанцинская Спасская, 31. Хилоцкая Владимирская, 32. Колесниковская Казанская, 33. Тресковская Михаила Архангела, 34. Кударинская Богородская, 35. Чикойская Петропавловская. В городе Нерчинске: 36. Троицкая, 37. Воскресенская. В Нерчинском уезде: 38. Городищенская Введенская, 39. Ундинская Николаевская, 40. Урульгинская Николаевская, 41. Читинская Архангельская, 42. Аргунская Вознесенская, 43. Сретенская Нижнего острога.

К сим 43 церквям при свт. Иннокентии прибавились храмы: 44. Троицкосавский, 45. Петропавловский в Нерчинском заводе, 46. Храм во имя мч. Иоанна Воина усердием иркутского гражданина Ивана Пивоварова возведенный, под колокольнею Соборной Богоявленской церкви.

На исходе 1731 года Иркутская епархия была пополнена церквями, отчисленными от епархии Тобольской: 47. Илимской Спасской, 48. Тушамской Покровской, 49. На Парабельском Николаевской, 50. Усть - Кутской Спасской, 51. Чечуйской Воскресенской, 52. Киренского острога Спасской, 53. Сполошинской Спасской, 54. Яндинской Николаевской, 55. Преображенской, 56. Усть-Удинской св. Параскевы Пятницы, 57. Новоудинской Покровской, 58. Илгинской Знаменской, 59. Тутурской Николаевской, 60. Орлинской Спасской, 61. Братской Богоявленской, 62. Кежемской Спасской, 63. Шамановской Архангельской, 64. Барлуцкой Успенской, 65. Якутской Соборной Троицкой, 66. Николаевской, 67. Индигирской Спасской, 68. Средне-Колымской Покровской, 69. Витимской Спасской, 70. Олекминской Спасской, 71. Амгинской Преображенской.

При оставлении епископом Иннокентием Неруновичем Иркутской епархии в ней значилось уже 100 церквей. Были устроены новые деревянные храмы: 72. Куядский во имя ап Петра и Павла, 73. Большеразводинский Петропавловский, 74. Заларинский Николаевский, 75. Тулуновский Покровский, 76.

Тункинский Покровский, 77. Окинский, 78. Карапчанский, 79. Кежемский Николаевский, 80. Марковский в Якутске, 81. Богородский и 82. Предтеченский на р. Лена, 83. Зашиверский, 84. Верхневиллойский, 85. Преображенский в Охотске, 86. Спасский в Удском остроге, 87. Богородице - Рождественский на Камчатке, 88. Успенский в Большереченском остроге, 89. Успенский в Нижнем остроге, 90. Спасский в Анадырском остроге. За Байкалом: 91. Тарбагатайский во имя прп. Зосимы и Савватия Соловецких, 92. Темлюйский, 93. Кяхтинский во имя свт. Николая, 94. Яравинский Спасский, 95. Бунский Трехсвятительский, 96. Торгинский, 97. Куенский, 98 Верхнеингодинский, 99. Архангельский в Архангельской слободе, 100. Храм во имя мч. Иустина Философа при доме Преосвященного в Жилкинской роще.

Таким образом, в управление епископа Иннокентий Неруновича в Иркутской епархии прибыло 29 новопостроенных храмов. И какие расстояния разделяли эти храмы! Если бы иркутский архипастырь имел возможность посетить тогда всю свою паству, то понадобилось бы проехать около 20 тысяч верст в течение трех лет.

Теперь укажем те храмы, которые при Преосвященном Иннокентии Неруновиче были восстановлены после пожара или обновлены вследствие обветшалости. В Ильинской церкви за Байкалом в 1733 году в нижнем этаже устроена была теплая церковь во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы. При Бирюльской Покровской церкви был в 1746 году освящен придел во имя Архангела Михаила. В Илимском остроге в 1745 году к Спасской церкви пристроен храм во имя Божией Матери Казанской. В Илгинском остроге в 1745 году освящена новая церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы на месте сгоревшей или обветшалои.

В 1734 году была освящена после переноса от р.Селенги в безопасное место Колесниковская церковь Казанской Божией Матери в д.Твараговской за Байкалом, в которой предметом благоговейного чествования служил Образ Божией Матери «Неувядаемый Цвет».

В 1740 году по той же причине, подмываемая р.Селенгой, Тресковская церковь была перенесена далее от

берега. Вместо сгоревшей церкви Сретенского острога в 1737 году стали строить новую; для этого Преосвященный разрешил сбор средств по епархии. По этой же причине вновь была построена церковь Амгинская во имя Преображения Господня в Якутии. Был также объявлен сбор средств по епархии на строительство, пострадавших от пожара, Новоудинской, Чикойской, Карапчанской, Шамановской* церквей. Сгоревшая Китойская церковь* во имя Рождества Христова была вновь построена в 1738 году. Сгоревшая Кударинская была вновь освящена в 1736 году. В 1741 году освящена Спасская церковь в Орлингской слободе, также вместо сгоревшей. В Балаганске в 1741 году по той же причине возвели и осветили церковь во имя Рождества Христова, а в Баргузине* освящен храм во имя Преображения с приделом Благовещения.

Прихожане Кудинской Троицкой церкви в 1743 году, прихожане Киренского острога через доверенного крестьянина Федора Подгорбунского и прихожане Усть-Кутской Спасской церкви в 1747 году обращались к епископу, чтобы вместо обветшалых храмов построить новые. Благословение на это и разрешение сбора от доброхотных дателей было в числе последних распоряжений архипастыря.

В управление епископа Иннокентия Неруновича положено было основание и некоторым другим церквям в епархии, которые в бытность его не были построены. Например, за Байкалом: Теленбинской и Куйтунской. У Байкальской пристани Николаевской (ее по своей инициативе взялся строить в 1743 году секретарь Провинциальной канцелярии Федор Лапаков как

* Шамановская Архангельская церковь сгорела в 1746 году. О построении новой, вместо сгоревшей, хлопотал выборный Федор Плаутин.

* При церкви покоится прах первого ее священника Григория Громова, умершего в 1740 году. После него священником был Иосиф Васильев. Его, после перевода в Окинскую церковь, сменил Сергей Иванов, сын несчастного Илимского протопопа.

* В церкви этой замечателен своим упорством священник Михаил Прокопьев. Его, как вдового, несколько раз вызывал Преосвященный в Иркутск, чтобы поместить в монастырь. Вдовец не слушался. Наконец, на смену ему епископ послал священника Федора Паликова. Вдовец не слушался, указывал на свое безукоризненное житие и на рачение о церкви, т.к. при ней состояло конного скота 795, рогатого 33 головы и наличными деньгами 70 рублей. Кончилось все тем, что Владыка приказал выслать непокорного из Баргузина насильно, яко вдовца.

бы во искупление своего греха - отнятие у Троицко–Сергиевской церкви в Иркутске усадебной земли.

А еще Усть-Кудинский – в 18 верстах от Иркутска вниз по течению Ангары и ниже Братского острога по Ангаре - Падунский. Строительство Падунской Зосимо - Савватиевской церкви было начато в январе 1741 года крестьянами Никитой Хромским (Хромовским) и Петром Серышевым с товарищами.

Еще в 1682 году от стольника и илимского воеводы князя Ивана Петровича Гагарина на пропитание Киренского монастыря отведена была вверх по Лене Ангинская заимка с сенокосными и пахотными землями. С давних времен значилась здесь и церковь во имя пророка Илии. От святого Иннокентия оставался при Ангинской церкви священник Симеон Карамзин. А по смерти его 23 февраля 1738 года занял его место с 14 октября Иоанн Иоаннович Попов. Это был, вероятно, сын первого Иркутского священника, присланного из Тобольска к Спасской церкви в 1690 году, Иоанна Пантелеимонова. Этот род продолжался при Ангинской церкви и в 19 веке.* При епископе Иннокентии Неруновиче в Ангинской заимке на месте ветхой или сгоревшей построена была новая церковь.

В самом Иркутске Преосвященный прежде всего обратил внимание на каменную Соборную Богоявленную церковь. Строительство ее началось в мае 1719 года. В 1724 году окончена была одна зимняя половина здания и освящена 12 мая во имя апостолов Петра и Павла. Летний собор во имя Богоявления Господня был закончен к 1731 году. Затем подлежало приступить к внутреннему устройству храма Богоявления. Эта задача выпала на долю епископа Иннокентия Неруновича.

Для написания иконостаса подряжен был иеродиакон Никон Красовский. Но то ли по недостатку материалов, то ли, может быть, недостатку усердия или времени у обремененного другими обязанностями Никона, или по многосложности работы дело шло не совсем скоро.

* См. также стр. 123

В конце октября 1740 года епископ Иннокентий предписал соборным протопопу Ивану Петрову и ключарю Власию Миронову освидетельствовать у подрядчика иеродиакона Никона его работу, понуждая его к ее скорейшему выполнению. Однако работа шла крайне медленно. Все препятствия были устранены; соборный храм Богоявления был окончательно отделан лишь ко времени отъезда епископа Иннокентия в Петербург.

Но странно! Уже через месяц после отъезда Неруновича храм сей был освящен архимандритом Нафанаилом. Почему же его не освятил сам Преосвященный? Или не все было готово к тому времени, когда ему надлежало уезжать; или болезни не позволили ему совершить освящение; или Иркутск был настолько тяжок для Владыки, что у него не доставало мужества священнодействовать среди недоброжелателей. Или, наконец, надобно здесь подозревать умысел иркутских жителей.

У подозрений есть основания! Не далее как через 16 дней по выезде епископа из Иркутска граждане послали вслед ему прошение об освящении Соборной церкви. Почему же не ранее? Факт грустный! Но все - таки честь завершения Богоявленского Кафедрального собора остается за иерархом, который не имел счастья пользоваться расположением населения города, - за епископом Иннокентием Неруновичем!

Теперь о других храмах. В 1738 году церковный староста Афанасий Сибиряков построил при Троицко - Сергиевской церкви за свой счет колокольню. В ноябре 1742 года в Иркутский Архиерейский приказ поступило прошение от посадского Федора Щербакова, чтобы за палисадом, вместо деревянной церкви, дозволить возвести новый каменный храм во имя Святые Троицы и Животворящего Креста. Иркутский епископ Иннокентий был в это время в Якутске. Переписка с ним замедлила дело. В октябре 1746 года уже при выезде Преосвященного из Иркутска поступила новая просьба от Иркутского посадского Ивана Амосова о разрешении строительства в г. Иркутске, за палисадом при Троицко-Сергиевской церкви, каменного храма с тремя приделами: во имя Святой Троицы, Животворящего Креста и во имя прп. Сергия.

Разрешение последовало. И в мае следующего 1747 года началась каменная постройка нынешней Крестовоздвиженской церкви. Стало быть, также при жизни епископа Иннокентия Неруновича.

Когда началось заселение вверх по течению Ангары, в западной стороне Иркутска, то возникла необходимость в новом храме. Посадский Емельян Югов решил своим иждивением построить деревянный двухэтажный храм во имя сщмч. Харалампия и Архистратига Михаила.

К началу 1738 года церковное здание было готово. По сказанию Иркутской летописи, престол в нижнем этаже во имя сщмч. Харалампия освящал 24 января 1738 года сам епископ Иннокентий. Что же касается верхнего храма Архистратига Михаила, то указ об его освящении архимандритом Нафанаилом последовал 18 сентября 1746 года; стало быть, уже по отбытию Преосвященного из Иркутска. При выезде епископа из Иркутска в конце 1746 года был освящен в Тихвинской церкви также придел во имя пророка Илии.

Монастыри

В *Иркутском Вознесенском монастыре* со времен свт. Иннокентия осталось два храма: один Тихвинский – холодный, маловместительный - и главный Вознесенский, уже готовый к падению.

Как только епископ Иннокентий (Нерунович) прибыл в епархию, то сразу же испросил у Синода дозволения отправленному из Иркутска в Петербург иеромонаху Митрофану сделать сбор на построение храма от доброхотных дателей. Разрешение было дано. Собранного оказалось достаточно, чтобы приступить к постройке нового Вознесенского храма, притом каменного, вместо прежнего деревянного.

Но здесь встретилось искушение. В 1738 году, когда Владыка затворился в своей Жилкинской заимке, архимандрит Корнелий, конечно, с благословения архипастыря, подрядил мастеров Василия Галашева и Якова Вылымова строить каменную Вознесенскую церковь. Он отвел им место, выдал план и на первоначальные работы 450 рублей. Мастера

приступили к делу, выкопали рвы, утвердили почву, и забутили*. Владыка около года перед этим не посещал обители и не видел, что в ней делается. В мае 1739 года он приезжает в обитель. Ему все кажется не так, и сам храм заложен не на месте. Он требует, чтобы было изменено место или чтобы мастера возвратили 450 рублей денег. Мастера оправдываются, что основание сделано по указанию архимандрита Корнелия и строителя Никона, с которыми и заключен контракт, в точности ими выполняемый. Гнев Преосвященного переходит через границы. Он приказывает заковать мастеров и держать их в монастыре под караулом. Две недели скованные сидели под караулом, затем же нашли возможность бежать и явиться в свои дома в Иркутске.

Преосвященный шлет на них жалобу вице-губернатору Бибикову. Сей решает, что Галашев и Вылымов ответственности не подлежат. Между тем, епископ не смирился, дело остановилось. Деньги пока были потрачены напрасно.

Между тем, возникла необходимость в строительстве нового храма. Служить в холодной Тихвинской церкви, которая вмещала лишь монастырскую братию, не было возможности. Владыка решил построить на юго-восточном углу монастыря деревянную теплую церковь во имя Успения Божьей Матери. Что к 1741 году Успенская церковь была отстроена и освящена, видно из того, что Преосвященный из Якутска в том же году указывал взять антиминс для освящения Баргузинской церкви, из числа оставленных в Вознесенском монастыре на престоле в Соборной Успенской церкви. Надобно думать, что иконостас поставлен был старый, разобранный из Вознесенской церкви. Только в 1745 году иеромонах Гедеон (Пелюшкевич) испросил дозволения сделать сбор на устройство нового иконостаса. Новый иконостас тогда был заказан диакону Стефану Копылову.

Однако искушение, постигшее архиерея в истории со строительством Вознесенского храма, тяжело легло на его душу. Чтобы поправить дело, им остановленное, он обещал за свой счет выстроить Вознесенскую церковь и ассигновал на это 1000 рублей. К сожалению, обстоятельства сложились для него неблагоприятно и не дозволили ему выполнить обещания. По

* Забутить- наполнить бутом, завалить камнем и наполнить известью.

отбытию его в Вознесенской обители оставались две деревянные церкви: Тихвинская и Успенская.

Больше было сделано за этот период в *девичьем Знаменском монастыре*. Еще при свт. Иннокентии (Кульчицком) была построена новая деревянная церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы и с приделом во имя Николая Чудотворца. В 1740 году устроен и освящен архимандритом Нафанаилом храм под Знаменской церковью во имя великомученика Дмитрия Солунского, а в 1746 году устроен храм во имя Преображения Господня. Обители много помогали ее прихожане.

Замечателен в этой обители первый с основания ее священник Иаков Андреев, новый Мелхиседек, без рода и без причта. Откуда он взялся, когда и кем рукоположен, из дела не видно, но он встретил и Иннокентия Первого, и Иннокентия Второго и проводил первого в вечную обитель, последнего - на место упокоения в Братскую пустынь.

Старцу, по прибытию в епархию епископа Иннокентия (Неруновича), придан был в помощь священник Алексей Корнаков, но в октябре 1736 года он был перемещен за Байкал в Колесниковскую церковь. В 1746 году 25 ноября по просьбе наместницы Агафии Лосевой помощником дряхлеющему Иакову посвящен из монастырских служителей Никита Андреев Паргачев, но и этот был переброшен за Байкал.

Новое поколение служителей церкви при Знаменской обители началось только с Алексея Сотникова, которого определили из разночинцев в дьячка в 1744 году.

Теперь о других монастырях Иркутской епархии...

В *Селенгинском Троицком монастыре* в 1740 году был пристроен новый придел во имя Благовещения. В Якутском Спасском монастыре в 1736 году надстроена над святыми воротами небольшая деревянная церковь во имя Иоанна Предтечи и освящена была архимандритом Нафанаилом. А приписная к тому монастырю Покровская пустынь после истребления пожаром заботами епископа Иннокентия обновлена, и храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы освящен в ней в 1740 году.

Тем и заканчивается обновление монастырских зданий в Иркутской епархии. Ведь в *Посольском, Нерчинском Успенском и в Киренском Спасском монастыре*, добрый настоятель кото-

рого, игумен Пахомий, умер в 1743 году, никаких улучшений по строительной части не наблюдались.

А теперь о *Братской Спасской пустыни*, которая не оставлена была Владыкою без внимания; может быть, по тайному предчувствию, что в ней ему назначено место вечного упокоения.

Удалив показавшегося ему недейтельным, строителя пустыни монаха Михея, Преосвященный заменил его монахом Вознесенского монастыря Арсением. Сверх того, дьякону Братско-острожной церкви Алексею Шангину, который вскоре был удостоен сана священника и определен на служение в Богоявленский собор, Преосвященный сделал поручение: всех новокрещенных бурятских детей взять в Братский монастырь для обучения. Для выполнения же церковных служб и мирских треб в 1734-1735 гг. послан был в Братскую пустынь иеромонах Вознесенского монастыря Адриан с монахом Иосифом. На Адриана возлагалась также обязанность обучать детей новокрещенных.

Строителю Арсению было поставлено в обязанность: иметь рачение об иноверцах, снабжать их по возможности и защищать от ясачных поборов. А также устроить мельницу, приобретать пустопорожные земли, бродяг не принимать, скот и домашнюю птицу размножать, вкладчикам лежать не давать и впредь таковых не принимать, которые ради укрывательства от труда кладут вклады, а не ради спасения души.

Упомянув о предостережении Владыки против тунеядцев вкладчиков, записывающихся в монастырь не для спасения души, а во избежания труда, прибавим, что, сообразно своему на вкладчиков взгляду, Преосвященный дал образец акта, каковым вкладчик закреплял себя за монастырем.

«Божией милостью, Бога Отца, сотворшего небо и землю и от небытия в бытие все приведшего, и неизреченным смотрением и снисхождением к человекам Бога Сына, и содействием Бога Духа Всесвятого, в Трех ипостасях Единого Божества, при бытии власти, при честном отце архимандрите Михаиле, при строителе иеромонахе Тихоне, при иеромонахе Симеоне, при иеродиаконе Данииле, при казначеях монахе Пахомии да бельце Иване Шишабаров,

при подкеларнике монахе Иринархе, и прочей всей Богом собранной братии, и при слугах и вкладчиках, сего 1736 года января 1 дня во святую обитель и Богом спасаемую Ограду, иже на Селенге, в Троицкий монастырь, желая себе Небесного царства и будущих благ восприятие, гуляющий человек, рождением яренчанин, Сойского Симонова монастыря вкладчиков сын, Василий Карпов, сын Козлов, по вере своей и по обещанию дел за себя сделал вклад денег 20 рублей, которые у него, Козлова, в монастырскую казну приняты и зачтены. За его рядовой вклад, как время ему, Василию, приспее, когда Господь Бог пошлет по душу его святые своя милостивые ангелы и он преставится в вечный покой, и нам имя того Василия в оном Троицком монастыре при церкви Божией написать в Литийник и в Синодик на вечное повиновение и поминать, как и прочих вкладчиков. Вкладную писал по благословению всечестнаго отца архимандрита Мисаила и строителя иеромонаха Тихона с братией вышеописанного года и числа того же монастыря казенный писчик.»

Епископ Иннокентий прибавил: *«И бывшее ему в том монастыре житие иметь постоянное и трезвое, несварливое, к начальнику и прочим начальным, кому будет приказано, послушание беспрекословное, труды монастырские к пользе монастырской и всему братству и себе самому по наряду иметь, по силе своей неленностные, яко же и прочие его братья вкладчики. Напротив же того нам (ему имя рек), смотря по его трудам и состоянию, давать и платное награждение супротив прочих вкладчиков, которые в каком звании трудятся, пищу же и питье иметь в обществе келарском, по обычаю, якоже и иные его братья вкладчики, ни о чем понапрасну не роптать, якоже на начальника, тако и на прочих, и со своей братией не ссориться. Но жить во всяком благочестии и добронравии, по силе духовного регламента. Погребсти по обычаю Св. Восточной Церкви и по правилам св. Апостолов и Богоносных отец».*

К месту сказать, что епископ Иннокентий вообще не терпел ханжества и тунеядства. Относительно первого он делал

даже запросы настоятелям монастырей: *«Нет ли ханзей среди братии?»*. И об отвращении к сему говорится в его послании в Иркутскую провинциальную канцелярию от 3 мая 1737 года.

«В Духовном регламенте, в части третьей о должности самих управителей во втором надесять пункте написано о подаении милостыни должно. Коллегиум духовное сочинил наставление, ибо в сем немало прегрешаем, многие бездельники при совершенном здравии за леность свою пускаются на прошение милостыни, по миру ходят безстыдно, иные же в богодельне вселяются посулами у старост, что есть богопротивно и всему Отечеству вредно. Повелевает нам Бог от пота лица нашего си есть, от промыслов праведных и различных трудов ясти хлеб и делати доброе не только для собственного пропитания, си есть убогим, и запрещает Бог, да праздный человек, ниже есть, и потому здоровые и ленивые прощакки (нищие) Богу противны суть, а еще кто снабдевает оных и той есть яко помощник и участник онаго же греха и что-либо на таковую суетную милостыню изживает, все то ему не в пользу духовную, но из таковой дурной милостыни еще и Отечеству великий вред деется. От сего, во-первых, скудность и дорог бывает хлеб. Рассуди, всяк благоразумный, сколько тысяч в России обретается ленивых таковых прощакков, толико же тысяч не делают хлеба, и потому нет от них приходу хлебного, а обаче нахальством и лукавым смирением чуждые труды поедают. Хватать бы таковых всюду и к делам общим приставлять. А от тех же прощакков дается убогим истинным великая обида. Ибо сколько оным подается, толико прямым убогим отъемлется. А еще бездельники оные, понеже здоровы суть, скоро до милостыни прибегают, когда немошные нищие остаются, иные же полумертвы, почитай, на улицах лежат и при своей болезни и голодом иставивают, суть же и таковые, что дневной пищи лишаемы, но просить стыдятся. Аще кто истинную имеет утробу – милосердие, сие рассудив, не может не желать от сердца, чтобы стало таковому бесчинию доброе исправление».

Несмотря на все попытки епископа изменить в лучшую сторону состояние обитателей, их положение не улучшалось, а ухудшалось. И тому были свои причины. Тяжелое это было время для российских, особенно же иркутских монастырей.

С 1738 года по распоряжению Тобольского митрополита Антония Стаховского стали показываться в Иркутске сыщики беглых крестьян, крестьянских детей и домовых людей, принадлежащих вотчинам Туруханского монастыря во главе с Саввой Зыряновым. За Саввою 25 декабря 1740 года прибыл в Иркутск сам настоятель Туруханского монастыря архимандрит Дмитрий, уполномоченный от митрополита Тобольского розыском всех беглых из Тобольских монастырей. Он распространил обыск по всей епархии Иркутской. Расторопный сыщик архимандрит Дмитрий выискал в иркутских монастырях большое число проживавших в них вотчинников Тобольских монастырей. Таким образом, иркутские монастыри лишились через это многих рабочих рук. Но это только начало болезням.

В 1744 году приехали в Иркутск подполковник Степан Угрюмов и капитан Сергей Плохов для переписи народа. Главной целью ревизии было выискать в Сибири пришлых из разных русских городов, не имеющих при себе узаконенных видов, и возвратить таковых на места их прежнего жительства. Но как возвратить? За счет содержателей или тех ведомств, в которых находились беспаспортные. Кроме того, с мест и лиц, которые таких беспаспортных укрывали, взыскивали денежные штрафы за каждого человека по расчету лет проживания.

Иноческие обители Иркутской епархии с давних времен охотно принимали под свой кров всякого проходящего, не спрашивая, кто он и откуда. За это над обителями и разразилась первая гроза нагрянувшей ревизии. Менее чем за год в монастырях и в их вотчинах было открыто столько беспаспортных бродяг, что Ревизионная Комиссия потребовала лишь только на первый раз штрафных денег с настоятелей: Вознесенского монастыря - 1025 рублей, Посольского - 825 рублей 83 1/3 коп, Киренского - 130 рублей, Знаменского - 435 рублей. И всего в первый раз - 2415 рублей 83 1/3 коп. Цифра для тех времен гигантская! Епископ Иннокентий ужаснулся и немедленно обратился к защите Синода, указав на то, что, во-

первых, иркутские иноческие обители принимали пришельцев, не всегда спрашивая их происхождения, т.к. не хватало рук для обработки земли, не то, что в русских монастырях. Во – вторых, большая часть этих лиц была принята в монастыри прежними настоятелями, давно уже умершими, за распоряжения которых нынешние настоятели отвечать не обязаны. В–третьих, если Синод не благоволит сделать сношения с Сенатом и властью Сената не прекратится деятельность Ревизионной Комиссии, то монастыри иркутские вынуждены будут продать не только все свое имущество, но и сами здания монастырей, а монахов придется распустить по миру. К тому же многие из тех беспаспортных, которых обнаружила Комиссия, уже настолько состарились, что лежат на одрах на содержании обителей, а между тем, и за этих дряхлых взыскиваются штрафные деньги.

Представление сильное! Ответа же на него не последовало. Преосвященный повторил свое настояние раз, второй, но ответа так и не получил.

Между тем, подполковника Угрюмова сменил по Ревизионной Комиссии полковник Резанов. Если Угрюмов только страдал, то Резанов начал без пощады резать своими указами. Он забрал из монастырей многих влиятельных лиц и, томя их в заключении, грозил в случае неплатежа требуемых денег (а количество их со дня на день увеличивалось) взять под арест не только настоятелей мужских монастырей, но и настоятельницу женского Знаменского монастыря.

Что же оставалось тут делать? Расплачиваться. Следствием сего было то, что иркутские монастыри совсем обнищали и остались без рабочих рук, так что в иных обителях ни дров нарубить, ни сена накопить было некому.

А еще ранее этого погрома над обителями, а именно 12 февраля 1740 года, настоятель древней обители, первой миссионерской в Восточной Сибири, Селенгинского монастыря, архимандрит Нафанаил обратился к епископу с плачевной жалобой. У него одни из вкладчиков одряхлели, другие по новым узаконениям высланы на прежние места жительства, монахов нет, постригать запрещено, вера Христова, которую успешно распространял, снабженный царскою казною первый строитель игумен Феодосий, ослабевает без назидания прежних

новокрещенных, а новых обращать некому. Нафанаил предлагал епископу Иннокентию послать в Синод нарочного для ходатайства об устранении упадка иркутских монастырей. «Укажи человека и снабди его всем нужным для пути следования», - отвечал Владыка. Ответ вытекал из раздосадованной души. Ранее сего многократно писал он в Синод о пополнении иркутских монастырей монашествующими, но был оставляем без ответа.

Стенание архимандрита Нафанаила относилось еще ко времени царствования императрицы Анны Иоанновны, когда существовал строгий запрет на пострижение, кроме вдовцов из духовных да отставных солдат, но, с другой стороны, иркутские монастыри пополнялись и иеромонахами, и иеродиаконами, ссылаемыми из Тайной Канцелярии. В царствование же Елизаветы строгость преследования монастырских служителей привела монастыри в обнищание внешнее, а милость царицы, указавшая ссыльным инокам свободный путь, довела обители до обнищания внутреннего.

Ко времени отъезда епископа Иннокентия из Иркутска в иной обители оставался один иеромонах с иеродиаконом, в другой - два иеромонаха без иеродиакона, а в Киренском монастыре некому было даже отслужить Литургию.

Следовательно, в довольно непривлекательном виде должны были представиться иркутские монастыри преемнику епископа Иннокентия. Но чья тут вина?

Управление епархией

Одной из главных забот епископа Иннокентия было возвышение нравственности православных. В числе первых его распоряжений было то, чтобы священники обучали своих прихожан молитвам, передавая главнейшие с голоса в церкви, после каждой воскресной или праздничной Литургии. Против пьянства употреблялась прежняя, введенная свт. Иннокентием мера, когда опившегося не погребали наравне с умершими честною кончиною.

Против плотских грехов Преосвященный вооружался ревностью Финеезовою. Приходские священники обязаны были доносить ему обо всех незаконнорожденных младенцах.

Открытое неуважение к иерархическим распоряжениям он карал церковным отлучением. А дабы положить в самых закоренелых в пороках сердцах начала богоугодной жизни, особенное попечение прилагал к тому, чтобы все от мала до велика исполняли святой долг ежегодного обновления себя исповедью и причащением Тела и Крови Христовой. Это заповедовал он приходским священникам, требуя, чтобы они внушали мирянам мысль о необходимости очистительных таинств и наблюдали за исполнением. С этой же целью епископ просматривал сам иногда исповедные росписи. И находя в них признаки охлаждения к исполнению христианских обязанностей, принимал исправительные меры, между которыми самой сильной было оставление умерших без напутствия при погребении.

Принимая во внимание убеждение Неруновича в той истине, что нравственность паствы зиждется примером пастырей, не удивимся и той строгости против духовенства, которая отличала управление сего Преосвященного. Всякое бесчинство со стороны духовного лица наказывалось телесно, что было и в духе времени. Священник или монах, сделавший позорное дело, позором и расплачивался.

К примеру, в 1740 году в мае из Селенгинского монастыря исчез иеродиакон Иаков Погодаев. Побудительными причинами исчезновения было желание уединения и безмятежного жития. Погодаев поселился на урочище р.Баргузин на месте *Святой Нос*, где устроил себе келью. Между тем, после его побега из монастыря начался розыск. Когда в марте 1743 года убежище отшельника было открыто, Владыка приказал в Иркутском Вознесенском монастыре учинить ему наказание плетью, затем привести к присяге на верность службы императрице Елизавете, а потом определить на служение. Местом служения Иакова Погодаева стал Вознесенский монастырь.

Но к поступкам иного рода применялись иные меры взыскания. Когда побуждением к незаконному действию

являлась корысть, в таких случаях налагались нелегкие денежные штрафы. Кто чем согрешал, тот тем и наказывался. Когда же дело касалось нарушения церковной практики, тогда и нарушение следовало церковное. Один священник обвенчал брак в субботу на Пасхе - архиерей приказал взять священника для монастырских трудов. Городские священники ослушались и не пришли в храм на служение Литургии - они были отправлены служить из города в села. Во все время четырнадцатилетнего управления епископа Иннокентия был только один случай лишения сана священника, и то на время. Священник этот был Барлуцкой церкви Флор Матвеевич Орлов. Поводом к такому тяжелому приговору было незаконное венчание брака, а на самом деле причиной приговора был отвратительно безнравственный поступок священника, который и огласить срамно. Было это в 1738 году. А в 1741 году Преосвященный возвратил Орлову священство, определив в Шамановскую церковь. Очевидно, что было это допущено при крайнем недостатке в священниках.

При умножении в епархии церквей откуда же брались в них причты? Во-первых, церковные должности переходили от отца к детям, которые или учились в архиерейской школе, или получали нужное образование в домах родителей. Во-вторых, времена бироновские щедро наделяли иркутскую паству наказанными, но не лишенными сана служителями церкви.

19 марта 1738 года явился в Иркутский архиерейский приказ протопоп Соборной Преображенской церкви г.Торжка Новгородской епархии Иван Васильев и поведал, что призвал его архиепископ Феофан Прокопович в свои кельи, расстриг и отправил прямо в тайную канцелярию, из которой без всякого допроса неведомо за что он был сослан с женой в Охотск. Выслушав эту повесть, Иркутский архиерейский приказ определил его в Оекскую церковь. Через три дня после явки протопопа явился той же Новгородской епархии поповский староста Андрей Попов, наказанный, но не лишенный

священнического сана. Архиерейский приказ* определил его к Манзурской церкви на место умершего священника Григория Ощепкова. Спустя еще года два 16 июня 1740 года в Троицко-Сергиевскую церковь Иркутска был определен дьячком Санкт-Петербургский поп Феоктист Гаврилов. В том же году в Илимске исполнял должность причетника Казанского Преображенского монастыря архимандрит Питирим под именем расстриги Петра, а в Братской пустыни должность дьячка - бывший Московской губернии Алексинского уезда диакон Парфений.

С разных сторон в Иркутскую епархию прибывали новые церковники. В марте 1744 года Илимские казачьи дети Петр и Дмитрий Лютиковы определены были один дьячком, другой пономарем к Тулуновской Покровской церкви. Из сего поколения произошли между прочими три брата, один из которых, Николай, стал секретарем Иркутской Консистории; другой, Иннокентий, с усердием миссионерствовал в сане священника под фамилией Ливановых, на которую угодно было Преосвященному Нилу изменить прозвище Лютиковых. Третий брат скончался диаконом под родовой фамилией.*

Ко времени управления епископа Иннокентия относится период, когда стали к именам и отчества священников прибавлять прозвища. Трудно признать своего предка среди общих имен: протопоп Петр Григорьев, священник Андрей Иванов, Иван Андреев и т.п.

В 18 веке эта проблема исчезла. К примеру, при свт. Иннокентии (Кульчицком) был известен закащик, священник Ильинского острога за Байкалом, любимый им за честную жизнь, Даниил Иванов. При Иннокентии (Неруновиче) Даниил страдал в заключении из-за самоуправства вице-губернаторов иркутских. Наконец, освобожденный в 1741 году, Даниил был

* В 1738 году место служения священникам раздавал не Преосвященный, а его Приказ. Это был время в жизни епископа Иннокентия, когда он от дрязг удалился в Жилкинскую заимку.

• Сведения относятся к 60 – м годам XIX века. Заметим, что фамилия эта была широко распространена среди священников Братского благочиния.

определен на священническое служение при вновь выстроенной церкви в Кяхте. В 1744 году Даниил Иванов стал иеромонахом Дорофеем Шергиным, наместником Посольского монастыря. Становится ясно, что Алексей Данилов, сначала служивший причетником в Кяхте, затем священником, был сын его. От него родился Григорий, священник Твараговской церкви за Байкалом. Григорию преемствовал в священничестве в той же церкви сын Петр; от Петра родился Иоанн, степенный и образованный священник Троицкой церкви г. Иркутска. Его сменил сын, известный в Иркутске протоиерей Алексей Шергин.*

Или еще один пример. Много раз при свт. Иннокентии упоминался Городищенский священник Кузьма Михайлов. При епископе Неруновиче выясняется, что прозвище Кузьмы было Пляскин. В этом роде Кузьмы Михайловича долго сохранялось преемственное священство. Особую похвалу заслужил один из его потомков - священник Нерчинского собора старец Симеон Пляскин.

Таким же порядком выясняется происхождение в Иркутской епархии и многих других родов духовенства, благодаря почину, возникшему при епископе Иннокентии, - к имени и отчеству добавлять и родовую фамилию.

При этом заметим, что положение, имевшее силу при свт. Иннокентии, когда поповских старост избирали советом духовенства, а священников после согласования с прихожанами, при Иннокентии Неруновиче соблюдалось нерушимо. Видим один только случай, когда Преосвященный отступил от сего правила: когда на место престарелого Олекминского священника Андрея Ядрихинского, за которого, несмотря на его престарелость, крепко держались прихожане, избрал сам и произвел в священники пономаря Якутского монастыря Ивана Ширяева. Но и тут Преосвященный послал от себя Олекминским прихожанам умиротворительную грамоту, в которой просил их принять новопосвященного с любовью. Это было в 1738 году.

С самого начала своего управления Иннокентий Нерунович обратил особое внимание на церковную экономию. Таков был обычай, что всем достоянием церквей заведовали

* Сведения относятся к 60 – м годам XIX века.

церковные старосты, никому не давая отчета. Порядок этот неминуемо вел к злоупотреблениям в церковной казне. Чтобы прекратить зло, епископ потребовал через городскую ратушу всех прежде служивших до его прибытия в городе Иркутске церковных старост к своему учету и учредил для проверки их действий особую Комиссию. Обезопасил церковное достояние и ряд распоряжений Преосвященного: о выдаче приходно-расходных книг для церквей из Архиерейского Приказа за его скрепою, о хранении у старосты ключа от церковной казны, а у священника - печати, чтобы приходы и расходы в церкви ими велись бы обоими, чтобы отчеты представлялись также за подписями священника и старосты.

...Тяжкие испытания встретили и проводили Иннокентия Неруновича, второго Иркутского епископа. Немудрено, что среди беспрестанной многолетней борьбы мог он изнемогать и, утомленный, искал по временам отдыха. За всем тем, мы не можем указать ни одной забытой стороны в епархиальном управлении, на которую бы не было обращено внимание, не разгаданного в келейной жизни иерарха - епископа Иннокентия Неруновича.

Болезнь и смерть епископа

Иркутская консистория 24 августа сообщила Синоду о выезде епископа Иннокентия и о составе его свиты.

Больной архиерей, пока окончательно не изменило ему здоровье, плывя из Иркутска вниз по р.Ангаре, обозревал по пути церкви, проводил ревизию церковных документов. А в Балаганском дистрикте* успел просветить крещением восемь бурят. При этом заметим, что Преосвященный в Балаганске был первый раз. Несколько попыток посетить эту местность он предпринимал и ранее, но каждый раз ему ставили препоны местные власти.

С первых чисел сентября болезнь епископа усилилась. С большим трудом 10 сентября он добрался до Спасовой пустыни, что стояла на правом берегу Ангары против Братского острога. Здесь, по донесению спутников, он всеконечно в тяжкие и различные болезни впадал и далее следовать не мог. И хотя эти недуги к исходу ноября облегчились, однако не настолько, чтобы мог он путешествовать далее.

Св. Синод до 16 февраля 1747 года адресовал еще свои указы на имя Иркутского епископа, а с 19 февраля начал посылать таковые в Иркутскую консисторию.

В первых числах февраля навестить больного приехали из Иркутского Вознесенского монастыря иеромонах Гавриил, ризничный Алексей Притчин и иеродиакон Феофан Лабанов. 9 февраля архипастырь пригласил в пустынь еще двух священников, на сей раз из Братского острога: Никифора Иванова и Василия Никифорова - и принял елеосвящение.

Акт совершения над епископом Иннокентием Таинства подписали совершавшие его священнослужители и отправили в Консисторию Иркутска. Затем к больному отправились из Иркутска для принятия благословения и личных приказаний наместник архимандрит Нафанаил с приказным надзирателем Якимом Филипповым и пробыли у него около месяца, пока здоровье Его Преосвященства несколько не изменилось к лучшему.

* Дистрикт-округ в некоторых странах.

Сколь велико будет наше удивление, когда увидим, что среди тяжелых своих недугов больной архипастырь ознаменовал свое пребывание в Братской пустыни неусыпной деятельностью.

В Братской пустыни бодрый дух его так победоносно одерживал верх над телесными немощами, что, лишь только выпадали часы ослабления от боли, он или совершал в церкви богослужение, или решал дела епархии.

Бумаги из Консистории к архиерею в Братскую пустынь и от него в Консисторию отправлялись часто. По распоряжению Преосвященного нужные депеши от церкви до церкви наскоро везли дьячки и пономари. Так причетник Братской Богоявленской церкви, приняв от Преосвященного конверт, сдавал его причту Кежемского погоста. Причт Кежемский пересылал его в Яндинский острог; отсюда бумага неслась в Балаганский острог, из Балаганского - в Идинский и т.д. Этим путем пущенные из Братской пустыни бумаги доходили до Иркутска через 8-10 дней.

28 января 1747 года Владыка получил от приказного надзирателя Якима Филиппова и от протоколиста Стефана Протопопова донесение о том, что наместник Нафанаил находится в совершенной слабости; они просили в помощь ему определить другого консисториста.

В ответ на эти донесения были следующие распоряжения:

- 1) *к наместнику архимандриту Нафанаилу в помощь, на место бывшего консисториста Иркутского Богоявленского собора ключаря священника Алексея Шангина, отныне быть Иркутского Вознесенского монастыря иеромонаху Тихону, которого в верности в службе Ея Императорскому Величеству привести к присяге и под указом лихоимства велеть ему, Тихону, подписаться;*
- 2) *Селенгинскому закащику Богоявленской церкви священнику Ивану Сенотрусову в оной же нашей Консистории в консистористах и в Иркутском Богоявленском соборе первенствующим священником быть неотменно;*
- 3) *на место его, Сенотрусова, (в Селенгинск) послать одного же Богоявленского собора новопроизведенного священника Стефана Копылова;*

4) по приезде священника Сенотрусова в Иркутск выдать ему из епархиальных доходов в награждение денег 30 рублей;
5) если и впредь случится кому из консистористов по Воле Божьей пресечение живота, то по совету других градских духовных персон избирать на места их достойного и самим определять дозволяем.

Почему же ключарь Алексей Шангин, с самого прибытия епископа Иннокентия в Иркутскую епархию пользовавшийся особенным его доверием, подпал под неблаговоление Владыки и был устранен из Консистории? Не объясняется ли переворот сей предписанием Владыки того же 28 января, посланным в Иркутск, приказному надзирателю Якиму Филиппову:

«Понеже сего января 28 дня по указу нашему повелено быть Консистории нашей в консистористах... Иркутского Вознесенского монастыря иеромонаху Тихону, да Селенгинскому заикашнику священнику Ивану Сенотрусову. Того ради, разсуждая, мы и не без сомнительства остаемся, что по отъезде нашем в Санктпитебург от оных консистористов не произошло б (как и прежде сего от некоторых происходило) кому каких обид, и в делах консисторских дальних и напрасных волокит, а паче всего нападок и утеснений; приказали мы тебе надзирателю по присяжной должности, и по прежней твоей к нам и к епархии нашей верности, аще тобою над консистористами из вышеописанного что-либо усмотрено будет, да онаго всячески не допускать и всякими мерами отвращать; а ежели кто из оных консистористов в таких вышеописанных делах призначится, то подлежит по силе духовного регламента суду братии своей».

Архимандрит Нафанаил к началу февраля выздоровел. Но распоряжение Преосвященного о новом составе Консистории до того показалось ему неудобным к исполнению, что он решился совершенно его переиначить. Взяв в соображение, что иеромонах Тихон еще не очистил себя от грязного против 7 заповеди дела, которым запятнлся, бывши настоятелем в Киренском Троицком монастыре, и по которому состоял под ответом в провинциальной канцелярии, притом не только нисколько не сведущ в судных делах, но и имя свое с трудом

подписывал, и в довершение всего не всегда бывал трезв, а когда Его Преосвященство приглашал сего Тихона с собой в Санкт-Петербург, то он (Тихон) не послушался, за что и было приказано наказать его.

А также то, что ключаря - священника Алексея Шангина - Владыка приказал отстранить от Консистории, не указав причины.

Что назначенного в Ильинский острог вместо вызываемого в Консисторию Сенотрусова новопроизведенного священника Стефана Копылова отпустить нельзя из-за того, что он не окончил по подряду писать иконостас в Успенской церкви при Вознесенском монастыре. И к тому же священник Стефан Копылов не научился еще хорошо священнослужению.

Исходя из этого, архимандрит Нафанаил распорядился: не допускать до присутствия в Консистории иеромонаха Тихона; оставить в помощь ему, Нафанаилу, ключаря Шангина; на место вызываемого священника Сенотрусова быть закащиком священнику Удинского острога Богородской церкви Федору Иванову; для служения в Ильинский острог послать священника Никиту Андреева Паргачева; послать указ священнику Сенотрусову, чтобы он поспешил с выездом в Иркутск и по прибытии выдать ему, Сенотрусову, назначенную ему награду 30 рублей для принятия обязанностей консисториста.

Распорядившись таким образом, архимандрит Нафанаил донес обо всем Преосвященному не более как известие. И замечательно, что горячий нравом архипастырь не изъявил своего гнева на самовластную отмену архимандритом его распоряжений. По крайней мере, гнева его не видно на бумаге. Между тем, ключарь Алексей Шангин оставался по-прежнему консистористом.

Другой указ епископа гласил: *«Указ наш архиерейский в Духовную нашу Консисторию. Понеже присланные к нам из оной Консистории ставленники, первый г. Иркутска Спасской церкви пономарь Андрей Литвинцев, по поданному его минувшего 746 года июня дня доношению о произведении его во Владимирской церкви вторым священником, минувшего декабря 9 числа действительно в священники произведен,*

второй, Троицкого Киренского монастыря вотчины Агинского села Ильинской церкви священнический сын Василий Иванов, сын Попов, по присланному из оной консистории о нем доношению декабря 25 числа действительно в диаконы произведен, третий города Иркутска Архангельской церкви пономарь Иван Иванов, сын Попов, онаго декабря 24 числа действительно в диаконы произведен, четвертый Иркутско-го Богоявленского собора диакон Стефан Иванов, сын Копылов, декабря 24 числа действительно в священники произведен».*

Указ от 30 декабря 1747 года: «Понеже минувшего 746 года декабря 21 дня прислан к нам из Иркутска Прокопьевской церкви диакон Петр Филиппов - Образцов для произведения его во священники, который сего 1747 года января 24 дня действительно во священники нами произведен, а в том же доношении от оной Консистории к нам представлено, что града Иркутска Богородичной Владимирской церкви священник Алексей Федоров весьма находится в невоздержанном житие и пьянстве, за что от оной Консистории был неоднократно наказан, и требовано от нас (по мнению той Консистории), чтоб его, священника Федорова, послать для священнослужения в Посольский Преображенский монастырь, ибо де там вблизи питейных продаж не имеется, а обретающагося там иеромонаха Иону Мокеева взять в Вознесенский монастырь для священнослужения. Того ради приказали: вышеозначенного новопроизведенного нами священника Петра Филиппова определить к оной Богородско-Владимирской церкви на место помянутого священника Алексея Федорова для священнослужения».

Живя в Братской пустыни, епископ был осведомлен обо всем, что делалась в епархии, особенно в Иркутском Вознесенском монастыре. Как ни изнемогал Владыка, не переставал он, до последних сил, трудиться в рассмотрении и

* В Анге с 1738 года служил священник Иван Иванович Попов, дед свт. Иннокентия Вениаминова. В данном указе речь идет, видимо, об его сыне Василии Ивановиче Попове, дяде свт. Иннокентия.

решении дел епархии. Все представления Консистории, привезенные к Преосвященному во время тяжелой его болезни, получили надлежащие решения в последних числах мая 1747 года.

Тяжелые приступы болезни продолжались два с половиной месяца. С 24 января Преосвященный уже не мог совершать богослужений, а с 8 февраля прекратилась его административная деятельность. Однако 12 апреля, в неделю ваий, видим мы епископа Иннокентия вновь священнодействующим, хотя служил ли он на Пасху (19 апреля) и после нее, сведений не сохранилось.

Из показаний пономаря Литвинцева видно, что 22 апреля, в среду Светлой седмицы, Владыка лежал уже в постели в тяжких недугах, до такой степени не оставлявших ему надежды на выздоровление, что архиерейскую ризницу, как уже более для него не нужную, отослал обратно в Вознесенский монастырь. Последняя бумага была с трудом им подписана 31 мая.

С самого прибытия своего в пустынь, не обольщая себя надеждами на поправку здоровья, Преосвященный готовился к отшествию, но не в Петербург, а в путь вся Земля. Еще в феврале 1747 года призывал он пресвитеров церковных, чтобы совершили над ним Таинство елеосвящения. Третьего же мая вторично принял он сие напутственное Таинство. Занимаясь во время облегчения болезни делами управления, Преосвященный Иннокентий в то же время готовил свои предсмертные заветы.

Однако борьба с недугами должна была когда-нибудь да окончиться. Пределом последнего одоления болезни был июнь 1747 года. Владыка не мог уже писать. **В это время он, среди других словесных распоряжений, объявил свою волю, чтобы тело его погребсти в этой Спасской пустыни, не применяючи его завета под неблагословением. И чтоб над телом его построить Церковь (вместо прежней, ветхой, клонившейся к падению).** Призвав строителя пустыни монаха Михея, он тут же вручил ему на постройку церкви 700 рублей.

С 19 июля уста иерарха сомкнулись. За неделю до преставленья он ничего уже не говорил. **26 июля 1747 года***, в

• 26 июля 1747 по старому стилю (по новому - 8 августа).

день воскресный, после десятимесячного с половиной пребывания в Братской пустыни, труженик почил навсегда. Свидетелями его кончины были иеромонахи Самуил и Тихон.

В ту же минуту, как Владыка скончался, из пустыни отправлен был в Иркутск нарочный – один из служителей - Яков Угловский. С печальным известием 30 июля явился он в Вознесенский монастырь. Не медля, поехали в пустынь архимандрит Нафанаил и Алексей Шангин. Они взяли с собой двух иеродиаконов для участия в печальном обряде погребения, а для переписи архиерейского имущества - приказного Якова Филиппова.

Ближайшим к месту погребения Преосвященного священникам Братского острога поставлена была обязанность: в течение всего года после преставления читать над усопшим псалтирь и ежегодно в день кончины архипастыря служить над телом его большую панихиду. Для этого же в марте 1748 года отправился в Спасову пустынь для совершения поминальной службы иеромонах Самуил из Вознесенского монастыря.

Когда архимандрит с Шангиным прибыли из Иркутска на погребение епископа, то один из келейных служителей, Афанасий Зырянов, предъявил им три духовных завещания, из коих одно вчерне написано и подписано самим Преосвященным в феврале 1747 года; другое написано также его рукой, но не подписано; третье - в конце того же апреля, когда епископ Иннокентий сам писать уже не мог, написано со слов его келейником Зыряновым и заверено свидетельством пустыньских монашествующих.

Владыка завещал: 1) употребить потребное количество денег на его погребение и поминовение его души; 2) выдать 500 рублей Московского Успенского собора иерею Георгию Андреевичу Неруновичу, который находился с Его Преосвященством в 1727 - 1732 гг., когда он был учителем Московской Славяно-Греко-Латинской Академии; по произведению же его в епископы означенный Георгий служил при нем и в Петербурге, и в Москве. Он проводил его Преосвященство до Иркутска; откуда был отпущен обратно в Москву с обещанием, что он, Георгий, будет награжден по окончании курса наук, который он

и окончил; 3) выдать в награду служителям Иркутского Архиерейского Дома 500 рублей.

Исполнить завещание Владыка поручил архимандриту Нафанаилу. Нафанаил уплатил 578 рублей 6 копеек на погребение епископа Иннокентия, на раздачу нищим и другие расходы.*

Св. Синод, получив донесение из Иркутска о кончине Преосвященного, в ноябре 1747 года предписал тело усопшего архипастыря убрать в особый твердый ящик и отовсюду оный на спаях утвердить и сверх того толстым парусиновым холстом тот ящик оклеить и засмолить накрепко, чтоб никакой духоты сквозь доски пройти не могло. Тело в ящике для погребения перевезти, буде каких больших затруднений в перевозке не окажется, в Иркутск. То тело погребсти по церковному чиноположению в соборной церкви близ Иннокентия (Кульчицкого).

Между тем, никто из Иркутской Консистории не решился нарушить волю покойного. Более того, уже был подряжен вкладчик Знаменского монастыря Козьма Минеев, который и выстроил, по завещанию покойного Иннокентия, церковь над ЕГО телом.

* Иннокентий Нерунович завещал Иркутской епархии 3810 рублей 29, 5 копеек. Из них: 1) монастырям и монахам-1820 рублей (Селенгинскому Троицкому, Посольскому Преображенскому, Киренскому Троицкому, Нерчинскому Успенскому и Якутскому Спасскому - по 100 рублей; Иркутскому Знаменскому-150 рублей; монахам Селенгинского и Посольского монастырей - по 500 рублей; монахам Иркутского Вознесенского - 50 рублей, монахам всех остальных монастырей - по 30 рублей); 2) церквям - 795 рублей (кафедральному собору – 80 рублей, иркутским церквям: Тихвинской, Прокопьевской, Харлампиевской - по 30 рублей, Троицкой - 60 рублей, Спасской - 35 рублей; другим церквям епархии -500 рублей); 3) служащим и прислуге Архиерейского Дома и Консистории - 495 рублей 29,5 копеек; 4) на цели благотворительные - 700 рублей (на выкуп вдов и сирот из подушного оклада-200 рублей; на заключенных в тюрьмах-200 рублей; на нищих-100 рублей; на больничных нищих - 100 рублей; на раздачу бродячим нищим - 100 рублей). (Из книги О.Е.Наумовой «Иркутская епархия 18-первая половины19 века»).

О месте упокоения

Испытания, преследовавшие епископа Иннокентия при жизни, не оставили его и по кончине. Не менее чем через два года, а именно в первых числах марта 1750 года, церковь в Спасовой пустыни сгорела по неосторожности истопника, чье имя и в истории сохранилось. Это был илимский разночинец Андрей Головин.

Когда 6 марта печальное известие дошло до Иркутска, Консистория прежде всего сделала запрос: коснулся ли огонь священного праха. Ответ был получен успокоительный.

2 ноября того же 1750 года послан был указ строителя Спасовой пустыни Михею, чтоб ронил лес на новую церковь. И тогда вновь монах Михей начал устроение церкви, которая и была освящена 15 апреля 1759 года.

Между тем, Братская Пустынь все более и более запустевала. Новые монастырские штаты и имя ее исключили из числа обитателей. Прислуга монастырская разбрелась по разным селениям. Радетельный строитель пустыни игумен Михей умер. И единственным стражем и священнослужителем пустынского храма остался почивающий под ним Святитель.

Однако этим дело не кончилось. В 1776 году крестьяне Большеокинского селения добились у тогдашнего епископа Михаила Миткевича разрешения перенести этот храм в свое селение, где у них сгорела церковь. Место упокоения епископа Иннокентия Неруновича осталось беспокровным. Несмотря на благоговение окрестных жителей к заветной могиле иерарха, беспокровность эта продолжалась более 60 лет.

В 1837 году почетные граждане Петр Николаевич Саламатов и Михаил Афанасьевич Балдаков попросили у иркутского Владыки Иннокентия (Александрова) благословения построить *«над забытым архипастырем Иннокентием Неруновичем часовню и поставить на его могилке приличный памятник»*. Через год они привели свое благое намерение в исполнение. На надгробном камне, покрывшем могилу, были написаны следующие слова.

На поверхности камня:

Преосвященному Иннокентию второму, Епископу Иркутскому и Нерчинскому. Великий иерарше Христов! Ты напоял струями благодати виноград, насажденный в пределах Царства Сибирского Соименником Твоим, Великим Иннокентием первым. Ты, водимый духом Его, вел паству Иркутскую к горнему Иерусалиму! Се приносят тебе дань благоговения пасомые кротким Соименником Твоим, Иннокентием третьим. 1838 года января 9 дня.

С восточной стороны:

Под сим камнем покоится Преосвященный Иннокентий второй, епископ Иркутский и Нерчинский, скончавшийся июля 26 дня 1747 года.

С западной стороны:

В Иркутск прибыл в октябре месяце 1733 и имел пребывание в Иркутском Вознесенском монастыре, управлял Епархией тринадцать лет и три месяца.

С южной стороны:

В августе месяце 1746 года отправился из Иркутска водяным путем в Россию; но, остановясь в упраздненной ныне Братской Спасской пустыне, преселился в вечность.

С северной стороны:

Преосвященный был родом Мало-Россиянин, по прозванию Нерунович, хиротонисован 1732 года, ноября 25 дня, из Префектов Московской Славено-Греко-Латинской Академии.

Ровно через двадцать лет после устроения часовни, в лютый январский мороз 1858 года ее посетил архиепископ Евсевий. В глубокую полночь молился коленопреклоненно архиерей над могилой епископа Иннокентия (Неруновича) и совершал панихиду* в подлинном смысле этого слова, выполняя обязанность священника и диакона, а клиросное пение отправлял единственный спутник молящегося архипастыря - местный благочинный Иоанн Федорович Чирцев. По совершении молитвенного поминовения, Преосвященный выразил мысль о возобновлении здесь вместо часовни храма.

* Панихидою в первенствующей церкви именовалось моление в ночные часы

Это пожелание исполнили на свои средства жители Братска Иван Петрович Воронков и братья Михаил Степанович и Иван Степанович Карповы*. Они пристроили к часовне алтарь. Церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа была освящена в 1861 году при архиепископе Иркутском Парфении (Попове).

Дополним, что в 1905 году в селе Спасова пустынь стала строиться новая церковь на капитал, пожертвованный иркутской купеческой вдовой Ю.И. Базановой. Церковь была деревянная, однопредельная, посредине находился памятник, под которым покоилось тело Иннокентия Неруновича. Храм был приписным к Братской Богоявленской церкви. Поэтому в годы Советской власти после закрытия последней прекратились богослужения и в нем. В настоящее время территория бывшей Спасовой пустыни залита водами Братского моря. Перед затоплением прах Иннокентия был изъят из земли, перевезен на Радищевское кладбище города Иркутска.

14 октября 2001 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы, по благословению Вадима, епископа Иркутского и Ангарского, гроб с телом Иннокентия Неруновича перенесли на территорию Иркутского Знаменского монастыря, где оно и покоиться поныне.

* М.С.Карпов построил к 1843 году Братскую Богоявленскую церковь, а И.С.Карпов на свои средства возвел в 1864 году Троицкую церковь в с.Тангуй.

Содержание

Вступление.....	3
Назначение второго епископа Иркутского и его прибытие в Иркутск.....	6
Крещение инородцев.....	16
Дело илимского протопопа.....	20
Экспедиция Беринга.....	22
Власть в Иркутске: духовная и светская.....	28
Церковные дела в Якутске.....	37
Вновь о противостоянии властей.....	43
Духовные миссии в Пекине.....	63
Заботы жителей Кяхты.....	67
Жертвы Бирона в сибирской ссылке.....	71
Общественные заслуги епископа Иннокентия.....	75
Духовное образование в епархии.....	82
Вторая поездка в Якутск.....	85
После возвращения из Якутска.....	91
Обзор управления Иркутской епархией епископа Иннокентия. Церкви.....	97

Монастыри.....	105
Управление епархией.....	113
Болезнь и смерть епископа.....	119
О месте упокоения.....	127